

Читая Уэлиа — все равно что
смотреть Тарантино:
адреналин зашкаливает.
— The Spectator

ИРВИН

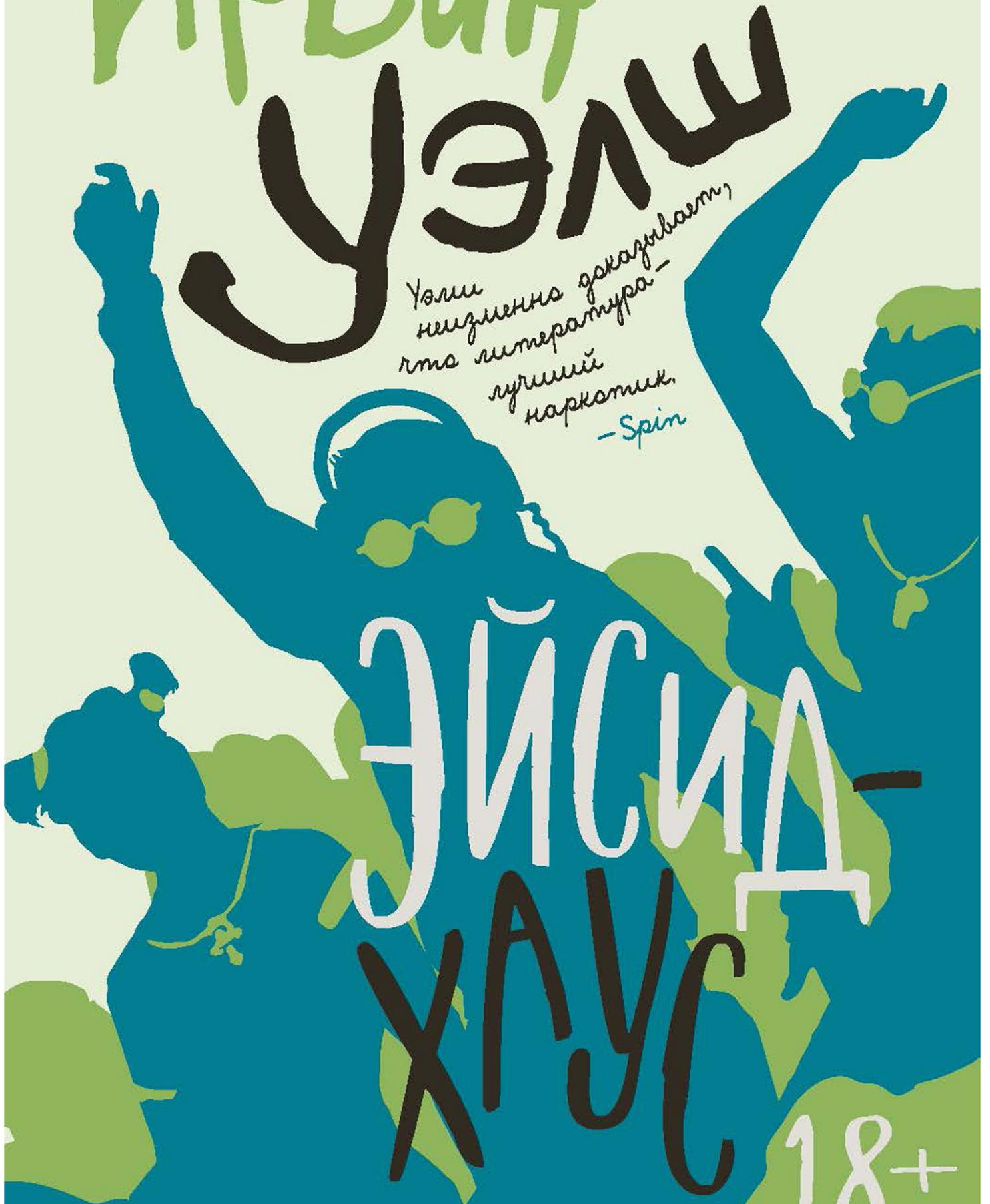
УЭЛШ

Уэлиа
неизменно доказывает,
что литература —
лучший
наркотик.
— Spin

ЭЙСИД

ХАУС

18+



Ирвин Уэлш

Эйсид-хаус

«Азбука-Аттикус»

1994

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэлш И.

Эйсид-хаус / И. Уэлш — «Азбука-Аттикус», 1994

ISBN 978-5-389-17434-4

В новой редакции – классический сборник «неоспоримого лидера в новой волне современной британской словесности» (Observer), который «неизменно доказывает, что литература – лучший наркотик» (Spin). Здесь, на темной изнанке Эдинбурга, потерянные люди пытаются найти хоть какую-то опору, но жизнь каждый раз преподносит новый сюрприз: то лифт увезет на минус восемьдесят девятый этаж, то коллега-философ предложит разрешить ученую дискуссию мордобоем, а то сам Господь Бог пригрозит превратить вас в муху... Кинофильмом «Эйсид-хаус» (в русском прокате – «Кислотный дом») дебютировал будущий постановщик «Счастливого числа Слевина» и телесериала «Шерлок» Пол Макгиган; фильм представляет собой экранизацию трех рассказов сборника – «Общее дело „Грэнтон стар“», «Рохля» и собственно «Эйсид-хаус». «Эти истории написаны с такой невероятной энергией, – отзывался маститый Джонатан Коу, – с таким безжалостным юмором и с такой бездной сочувствия, изложены таким новаторским языком, выстроены настолько революционно, что и самый искушенный читатель не избежит потрясения». Содержит нецензурную брань.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17434-4

© Уэлш И., 1994
© Азбука-Аттикус, 1994

Содержание

Благодарности	9
Рассказы	11
Ствол	11
Евротреш	17
Стоук-Ньюингтон-блюз	30
Чан-96[7]	37
Рохля	40
Последний отдых на Адриатике	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ирвин Уэлш

Эйсид-хаус

Моим родителям, Пити и Джин Уэли, за всю их любовь и поддержку

Irvine Welsh

THE ACID HOUSE

Copyright © Irvine Welsh, 1994

First published as The Acid House by Jonathan Cape.

Jonathan Cape is an imprint of Vintage, a part of the Penguin Random House group of companies

All rights reserved

© А. Керви, перевод, 2003

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

Уэлш неизменно доказывает, что литература – лучший наркотик.

Spin

«Эйсид-хаус» – это очередное, по заветам Рембо, «лето в аду», и до чего ж оно бодрит! Только вы убедили себя, будто понимаете, в какую историю влипли и к чему клонит автор, как он вышибает землю у вас из-под ног.

New Scotsman

Уэлш – редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты – хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся – спички между глаз вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребает души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! – такая вот ироническая беллетристика.

Лев Данилкин (Афиша)

Ирвин Уэлш превращает язык своего детства в средство создания фантастического мира, выходящего далеко за пределы окрестностей Эдинбурга, и маркирует им территорию, не просто ограниченную рамками определенного региона, но лежащую вообще за пределами буржуазной нормы. Язык у Уэлша порой важнее содержания текста. Следует отметить, что сам Уэлш весьма далек от воспевания того, что описывает; даже при передаче речи своих персонажей он все время сохраняет ироническую дистанцию. Герои Уэлша (по крайней мере те, которых он любит) страстно ищут выхода за пределы своего универсума. А когда его находят, оказывается, что нужная дверь возвращает тебя в ту точку, откуда ты начинал.

Илья Кормильцев

(Иностранная литература)

Ирвин Уэлш – ключевая фигура английской «антилитературы». Проза Уэлша – один из тех редких случаев в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направлении, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма, прямая трансляция происходящего. Недаром сам Уэлш как-то сказал, что его книги рассчитаны на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Место действия здесь – неуютное пространство между смертью от передозировки, этическим экстремизмом и измененными состояниями сознания. Персонажи говорят на аутентичном эдинбургском диалекте с обильной примесью мата и экзотического сленга. Естественная интонация не оставляет места никаким литературным условностям. В сумме все это производит впечатление стилистического открытия.

Gazeta.ru

Его мастерство, юмор и сочувствие в сумме равняются гениальности. Уэлш – лучшее, что произошло в британской литературе за последнее десятилетие.

Sunday Times

Ирвин Уэлш – неоспоримый лидер в новой волне современной британской словесности.

Observer

Читать Уэлша – все равно что смотреть Тарантино: адреналин зашкаливает.

The Spectator

Уэлш наводняет мировой эфир восхитительной какофонией голосов – печальных и смехотворных, агрессивных и раскаивающихся...

Scotland on Sunday

Слух Уэлша наточен до невероятной остроты: автор «Эйсид-хауса» различает тончайшие оттенки характера и происхождения, заморожен бесконечными оттенками смысла, не стесняется демонстрировать фонетическое и идиоматическое богатство родного диалекта. В данном сборнике он смело экспериментирует со стилем и формой и не сдерживает полета фантазии, налицо полиграфические ухищрения и сюрреалистические эпизоды. Это уже не просто смесь этнографического очерка с вольной автобиографией, а нечто гораздо большее.

Independent

Интересным образом выстроен сам сборник «Эйсид-хаус». Если 21 рассказ повествует о судьбах, попавших на дно, то последняя новелла как бы отвечает на вопрос, как и почему они там оказались. На завершающих аккордах автор будто позволяет заглянуть в самое сердце опустившегося до такой жизни человека, и поневоле начинаешь видеть его без всей этой наркоманской шелухи. Он стоит перед тобой с обнаженной душой и смотрит на тебя детскими глазами. И тогда дыхание перехватывает от такой откровенной правды, на какую ты совсем не рассчитывал.

LiveLib.ru

Большинство литературных кумиров поддерживают свою репутацию тем, что не обманывают читательских ожиданий и рассказывают о том, что нам и так хорошо известно. Уэлш же в «Эйсид-хаусе» не боится окунуть нас в совершенно незнакомую нам среду – и выходит победителем. Эти истории – как правило, довольно трагичные – написаны с такой невероятной энергией, с таким безжалостным юмором и с такой бездной сочувствия, изложены таким новаторским языком, выстроены настолько революционно, что и самый искушенный читатель не избежит потрясения.

Джонатан Коу

Самое прекрасное во вдохновении – то, что никто, кроме тебя, не знает его настоящего источника. Иногда не знаешь и сам. Бывает, пытаешься провести четкую линию между явлениями, которые легли в основу книги, и не можешь. Так что лично я оставляю эту работу подсознанию.

Ирвин Уэли

Благодарности

Некоторые рассказы этого сборника предварительно публиковались в следующих журналах и антологиях: «Ерунда» – в *Rebel Inc*, «Там, где разбиваются мечты» – в «Pig Squealing, New Writing Scotland No. 10» («Свинячий визг. Новая шотландская литература, выпуск 10»), «Спорт для всех» – в «The Ghost of Liberace, New Writing Scotland No. 11» («Призрак Либераче. Новая шотландская литература, выпуск 11»), «Квартет сексуальной катастрофы» – в антологии «Folk» («Народ») издательства *Clocktower Press*.

Большое спасибо вам, редакторы: Дженис Гэллоуэй, Э. Л. Кеннеди, Дункан Маклин, Хэмиш Уайт и Кевин Уильямсон.

Также хотелось бы поблагодарить следующих людей, которые щедро делились идеями, вдохновляли меня на подвиг и жестоко критиковали с переходом на личности. Их влияние на этот сборник неоценимо:

Лесли Брайс, Гэри Данн, Дебби Донован, Макс Дэвис, Дейви Инглис, Джимми Истон, Марк Кеннеди, Стэн Килтыка, Колин Кэмпбелл, Джим Кэррол, Майлз Литч, Уилли Макдермотт, Джон Маккартни, Хелен Маккартни, Джеймс Макмиллан, Кенни Макмиллан, Сэнди Макнэр, Эндрю Миллер, Стюарт Расселл, Робин Робертсон, Анджела Салливан, Рози Сейвин, Сьюзен Смит, Дейв Годд, Кевин Уильямсон (снова), Джеймс Фергюсон, Тарн Фергюсон, Аделина Финлей, Мина Фрай, Дженет Хэй, Бобби Шиптон, Джордж Шиптон, Джон Ширер и Колин Ширер.

Особая благодарность Полу Рики, брату по духу в новых салонах экстрасенсорного бунта, за то, что разрешил использовать его стихотворение.

Наиособейшая благодарность Энн – за все.

Рейвимся, братаны.

* * *

Когда приходит пора для Цезарского гриба
Это противоположность грибного сезона
Ибо Цезарский гриб появляется в марте
А грибной сезон наступает в сентябре
Шестью месяцами раньше
На полгода
Равноденственно
Осеннее равно весеннему

Надеешься ли ты на большее,
Чем на лучшее равновесие
Между страхом и желанием
И только заблудший
Кто найдет путь прямой
Ни в лесу, ни в поле
Не будет мантий, подобных Цезарским, пурпуром отделанным

Скорее целая улица, отделанная пурпуром
И на ней каждая дверь

Завернута будет в разную оберточную бумагу

Сентябрьские грибы полуночи
Показывают ритмы виденья
Двигаться мимо нельзя, не спотыкаясь об них
Стирай свои ленты
Стирай молнией свои ленты.

Пол Рики. «Когда приходит пора для Цезарского гриба...»

Рассказы

Ствол

– Отличное рагу, Мардж, – заметил я, лихорадочно сглотнув, и снова набил рот; овощи и вправду удались.

– Рада, что тебе понравилось. – Она протерла очки, и ее лицо расплылось в снисходительной улыбке; Мардж, вне всяких сомнений, красивая женщина.

Мне очень понравилось, а вот Лиза размазала еду по всей тарелке и презрительно поджала нижнюю губу.

– Неужели тебе невкусно, Лиза? – поддразнила ее Мардж.

Ребенок ничего не сказал, только качнул головой, не меняя выражения.

Глаза Гэри вспыхнули. Маленькая Лиза приклеилась взглядом к тарелке.

– О! Да ты, черт возьми, должна уминать за обе щеки, девочка! – свирепо рявкнул он.

Лизу от его слов перекосило, как от пощечины.

– Да ладно тебе, Гэри. Не хочет есть, и не надо, – примирительно рассудила Мардж.

Гэри перевел взгляд на жену. Воспользовавшись паузой, Лиза выскользнула из-за стола и ушла в свою комнату.

– Куда, как ты думаешь... – начал Гэри.

– Ох, оставь ее в покое, – фыркнула Мардж.

Гэри, вспыхнув, замахал вилкой как бешеный:

– Я говорю одно, ты другое. И не стоит, блядь, удивляться, что меня не уважают в моем собственном чертовом доме!

Мардж робко пожалала плечами. У Гэри был крутой нрав, и он действительно взвинчен с тех пор, как вышел из тюрьмы. Он повернулся ко мне, требуя понимания.

– Видишь, как оно, Джок? Каждый раз, твою мать! Обращаются со мной так, словно я невидимка хренов! В моем, блядь, собственном доме. Мой собственный ребенок, мать его так! Моя собственная жена, черт возьми. Господи боже, – простонал он, насмешливо указывая на Мардж.

– Не бери в голову, Гэл, – сказал я. – Мардж устроила нам натуральный пир. Все просто объедение, Мардж. Это не беда Лизы, что ей не понравилось, но ты же знаешь – дети... У нас разные вкусы, пусть цветут все цветы.

Мардж одобритительно улыбнулась. Гэри же пожал плечами и, нахмурившись, устался в пространство. Мы доели обед, прерывая жрачку сдержанными ритуальными беседами; прикинули шансы «Арсенала» на чемпионство в следующем сезоне, обсудили сравнительные достоинства нового продуктового «Ко-оп» в далстонском торговом центре и привычного «Сейнсбери» через дорогу, установили возможное происхождение и сексуальную ориентацию нового управляющего в «Мерфис» и бесстрастно взвесили все «за» и «против» открытия местной железнодорожной станции Лондон-Филдс, закрытой много лет тому назад после пожара.

Наконец Гэри отодвинулся от стола и рыгнул, затем потянулся и встал.

– Отличная хавка, девочка, – сказал он успокаивающе. И повернулся ко мне: – Ты сыт?

– Да, – ответил я, поднимаясь.

Гэри уловил немой вопрос на ироническом лице Мардж.

– Мы с Джоксом должны поговорить немного о делах, вот так.

Мардж вся напряглась и озлобилась:

– Ты же не собираешься воровать снова, а?

– Я же сказал тебе, что не собираюсь, говорил же! – агрессивно парировал Гэри.

Воинственно прищурившись и скривив рот, она встретила его взгляд:

– Ты обещал мне! ТЫ, МАТЬ ТВОЮ, ОБЕЩАЛ! И все те долбанные вещи, о которых ты говорил...

– Я не ворую! Джок! – воззвал он ко мне.

Мардж устремила на меня свои большие просящие глаза. О чем она меня молила – чтобы я сказал ей правду или то, что она хотела услышать? Гэри обещал. Неоднократно обещал, неоднократно нарушал обещание. Независимо от того, что я скажу ей на этот счет, она снова будет обманута – Гэри или каким-нибудь другим чуваком. Для некоторых людей неизбежны определенные виды разочарований.

– Теперь это железно. На все сто, – улыбнулся я.

Моя бредятина была достаточно убедительна, чтобы вернуть доверие к Гэри. Напустив на себя вид оскорбленной невинности, он выдал:

– Вот. Ты, девочка, получила достоверную информацию из самых что ни на есть первых уст.

Гэри пошел наверх взять бабки. Наконец Мардж печально покачала головой:

– Он беспокоит меня, Джок. Раньше он не был такой взвинченный и грубый.

– Он волнуется за тебя и за ребенка, Мардж. Это Гэл; его постоянно терзают какие-то опасения. Это в его природе.

Нас всех терзают какие-то блядские опасения.

– Ты готов или что? – Гэри высунул голову из-за двери.

Мы отправились в «Тэннерс». Я сел в задней комнате, и Гэри последовал за мной с двумя пинтами. Он медленно, очень сосредоточенно поставил их на полированный стол. Глянул на пинты и мягко сказал, качая головой:

– Проблема не в Уитворте.

– Он, черт возьми, проблема для меня. Две, блядь, штуки стоят проблемы.

– Ты не сечешь мой базар, Джок. Не он проблема, так? Это ты, – его вытянутый палец решительно уперся в меня, – и я, – продолжил он, ткнув им себя в грудь. – Долбанные мудозвоны. Мы можем забыть об этих башлях, Джок.

– Какого хрена...

– Уитворт будет вешать нам лапшу на уши, дурачить, избегать нас, пока мы просто не заткнемся в тряпочку, как два хороших маленьких мальчика, – язвительно улыбнулся он. Голос его звучал холодно, веско, неумолимо. – Он не воспринимает нас серьезно, Джок.

– Так что ты предлагаешь, Гэл?

– Либо мы забудем об этом, либо заставим его воспринимать нас серьезно.

Я прокрутил его слова в моей голове как пластинку, проверяя и перепроверяя их в поисках скрытого смысла – скрытого смысла в реальности, который я немедленно признал.

– Так что же будем делать?

Гэри глубоко вздохнул. Странно, что он теперь такой спокойный и обстоятельный, если сравнить с его раздраженным состоянием за обедом.

– Мы заставим ублюдка воспринимать нас серьезно. Преподадим ему урок, нахуй. Научим его проявлять немного уважения, вот что.

Свой план Гэри изложил предельно ясно. Мы вооружимся и заявимся к Уитворту в его хаггерстонскую квартиру. Затем выьем из него все дерьмо, какое только возможно, прямо на пороге и назначим последний срок для выплаты денег – наших денег.

Я обдумал данную стратегию. Разумеется, не было никакого шанса разрешить это дело легально. Моральное и эмоциональное давление, как показала практика, результатов не дало никаких, и – тут Гэри был прав – мы выглядели полными обсосами в глазах правильных парней. Да, это были наши деньги, и мы предоставили Уитворту массу возможностей заплатить. Но я стремался. Еще чуть-чуть – и хренов ящик Пандоры откроется, и я перестану контролировать

что бы то ни было. Мне ярко представилась тюрьма Скрабс¹, или того хуже, прогулка по дну Темзы в бетонных тапках, или еще какая вариация этого клише, обозначающая в реальности один и тот же конкретный пиздец. Уитворт сам не представлял никакой проблемы, он был весь как на ладони; напыщенный, болтливый, но отнюдь не человек насилия. Вопрос в другом: насколько хорошие у него завязки. Что ж, скоро выясним. Придется мне смириться с этим. Иначе мне не выиграть. Если я не пойду до конца, Гэри будет меня презирать, а мне он нужен больше, чем я ему. И что важнее, кто-то занывает мои деньги и я останусь на мели, грызя себя поедом оттого, что капитулировал так бездарно.

– Давай разберемся с этим мудилой, – сказал я.

– Так-то, мой друг. – Гэри похлопал меня по спине. – Всегда знал, что у тебя есть порох в пороховницах, Джок. Вы, долбанутые шотландцы, все сумасшедшие, вашу мать! Мы покажем этой паскуде Уитворту, кого он, сямка, кинуть решил.

– Когда? – спросил я, чувствуя вместе со смесью восхищения и тревоги подкатывающую к горлу тошноту.

Гэри пожал плечами и поднял брови:

– Время не терпит.

– Что, прямо сейчас? – Я изумленно вытаращился: мне совсем не улыбалось устраивать разборки среди бела дня.

– Сегодня вечером. Я заеду за тобой в восемь.

– В восемь, – слабо поддакнул я.

Я чувствовал сильные вибрации беспокойства из-за откровенно нестабильного поведения Гэри.

– Послушай, Гэл, а между тобой и Тони Уитвортом точно нет ничего, кроме денег?

– Денег вполне достаточно при моих обстоятельствах, Джок. Больше, чем достаточно, чувак, – сказал он, опорожняая свою пинту и поднимаясь. – Я домой. Тебе тоже пора. И не стоит слишком уж налегать на «Джонатана Росса». – Он указал на мою кружку. – Нам надо сделать работу.

Он решительно закосолапил к выходу, остановившись, только чтобы махнуть старому Джерри О'Хагану у стойки.

Я ушел вскоре вслед за ним, и вправду решив притормозить с выпивкой. Отправился в далстонский спортцентр и купил бейсбольную биту. Сначала я подумывал, не взять ли и лыжную маску, но решил совсем уж не палиться, так что пошел в «Армию и флот» и разжился вязаной балаклавой. Дома на меня напал ступор, даже смотреть на покупки сил моих не было. Затем я все-таки поднял биту и принялся рассекать ею воздух. Стащил матрас со своей кровати и прислонил его к стене. Я долбанул по нему битой, проверяя замах, стойку и равновесие. Стрем прямо-таки хлестал из меня, когда я молотил что есть мочи, бросался вперед и рычал, как маньяк.

До возвращения Гэри оставалось не так уж много времени. Наступило восемь, и я было подумал, что здравый смысл возобладал и Гэри спустил разборку на тормозах, – может, Мардж что-то просекла и вмешалась. В 8:11 – по электронным часам на радио – из-за окна донесся резкий автомобильный гудок. Я даже не стал выглядывать. Просто взял балаклаву и биту и спустился на улицу. Биту я сжимал вяло и безжизненно.

Я забрался на пассажирское сиденье.

– Вижу, ты приготовился, – улыбнулся Гэри.

Даже после того, как он заговорил, его лицо оставалось замороженным в этой странной улыбке и напоминало причудливую маску на Хеллоуин.

– Что ты взял? – Я боялся, что он покажет нож.

¹ Уормвуд-Скрабс – мужская тюрьма в одноименном районе западного Лондона (округ Хаммерсмит и Фулем).

Мое сердце буквально остановилось, когда из-под сиденья он вытащил обрез.

– Не пойдет, приятель. Никуя не пойдет.

Я рванулся вон из машины, но он схватил меня за руку:

– Расслабься! Он же ни хера не заряжен, не понял, что ли? Да едрить твою, Джок, ты же меня знаешь. Мокруха не по моей части и никогда не была. Окстись, дружище.

– Говоришь, ружье не заряжено?

– Какое там, в пизду, заряжено, чувак! Ты что, думаешь, я, блядь, полоумный? Делаем, как я сказал, и все пройдет тихо-мирно. Без шума и пыли, ни волоска с головы и тэ дэ. Сосед по камере говорил мне: люди меняются, когда наставляешь на них ствол. Вот как я это вижу: мы хотим наши деньги. Увечить этого мудака нам нахуй не всралось, мы просто хотим получить долг. А то начнешь махать битой и запросто сделаешь из него отбивную. Тогда плакали наши денежки, да еще загремим в чертов Скрабс. А так запугаем его до усрачки, сунем под нос эту штуковину, – он размахивал стволом, который теперь казался жалкой игрушкой, – и Уитворт выкладывает нам купюры.

Я был вынужден согласиться: по логике Гэри все выглядело гораздо проще. Напугать Уитворта было предпочтительней, чем уделать его в говно. Замеси мы этого козла, и он, возможно, тут же соберет кодлу для мести. А если напугать его этим стволом, он поймет, что с нами не стоит качать права. Мы знали, что обрез не заряжен, а Уитворт нет. Ну и хули ему рыпаться?

Квартира Уитворта находилась на первом этаже типового для шестидесятых домика с отдельным выходом в небольшом муниципальном округе рядом с Куинсбридж-роуд. Было уже темно, хотя и не так, чтобы глаз выколи, когда мы припарковали машину в нескольких ярдах от парадного. Я колебался, надевать ли балаклаву, и решил не надевать. У Гэри не было маски, и к тому же мы хотели, чтобы Тони Уитворт видел, кто наставляет на него обрез. Вместо этого я спрятал битку под моим длинным пальто, когда мы вышли из машины.

– Жми этот долбаный звонок, – приказал Гэри.

Я надавил кнопку.

В прихожей включился свет, просачиваясь сквозь щель над дверью. Гэри сунул руку под куртку. Дверь открылась, перед нами с настороженным видом стоял мальчик лет восьми в футболке «Арсенала».

– Тони дома? – спросил Гэри.

Я не рассчитывал на это. Я превратил Уитворта в мультипликационный персонаж, стереотипного болтливого сутенера-спекулянта, задавшись целью оправдать то, что мы собирались с ним сделать. Я никогда не представлял его как реальную личность, с детьми, с людьми, зависевшими от него и возможно даже любившими его. Я пытался дать знак Гэри, что время и место безмазовое, но маленький мальчик убрался назад в дом, и почти одновременно в дверях появился Уитворт. На нем была белая майка и джинсы, лицо расплылось в лучезарной улыбке.

– Парни, – широко осклабился он, – рад вас видеть! У меня есть для вас кое-что, если... – Он запнулся на середине предложения, побледнев как полотно, и его глаза расширились. Часть его физиономии, казалось, сморщилась, словно его хватил удар.

Гэри выхватил ствол и наставил прямо на него.

– О нет, пожалуйста, о боже, у меня есть то, что тебе нужно, Гэл, это то, что я пытался сказать... Джок...

– Гэл, – начал я, но он не обращал внимания.

– У нас тоже есть, что тебе нужно, мудака! – крикнул он Уитворту и спустил курок.

Раздался оглушающий грохот, и Уитворт, казалось, исчез в доме. На мгновение это выглядело как театральная иллюзия, словно его никогда вообще и не было. Я успел подумать, что Гэл и Тони Уитворт решили меня разыграть. Я даже засмеялся. Потом глянул в прихожую

и увидел там лежащее, содрогающееся в конвульсиях тело Уитворта. То, что когда-то было его лицом, теперь стало смятой, сдавленной массой крови и серого вещества.

После я ничего не помнил, пока не пришел в себя в машине. Мы ехали по Боллс-Пондрод. Затем припоминаю, что мы вышли, пересели в другую тачку и направились обратно к Стоук-Ньюингтону. Гэри начал смеяться и говорил без умолку, словно закинулся спидом.

– Ты видел долбаную голову этого козла?

Я чувствовал себя так, будто вмазался героином.

– Видел, да? – переспросил он, затем схватил мое запястье. – Джок, мне, блядь, в натуре жаль, дружище, что втравил тебя. Я не мог, просто не мог в одиночку. А я должен был сделать это, Джок, должен был избавиться от этого мудака. Когда я сидел в Скрабс, то, понимаешь, слышал о нем все. Он вечно крутился у нашего дома, охаживал Мардж, светил, нахер, своими чертовыми бабками. Мардж раскололась, Джок, рассказала мне всю эту поеботину. Конечно, я не виню ее, Джок, не в этом дело, это была моя ошибка, что меня повязали. Я должен был находиться с ней рядом; если у женщины ни гроша в кармане, а мужик ее загремел на нары, конечно, ее соблазнит какой-нибудь задроченный хуй, крутящийся вокруг с лавэ. И этот мудила доставал маленькую Лизу, Джок. Заставлял ее садиться ему на колени, сечешь, о чем я, да? На моем месте, Джок, ты сделал бы то же самое, только не возражай мне, твою мать, пиздеть вот не надо; если бы это был твой чертов ребенок, ты бы сделал то же самое. Ты и я, мы одно целое, Джок, мы присматриваем друг за другом, глядим за своими. Я сделаю для тебя эти бабки, как только, так сразу, Джок. Клянусь, приятель, я разберусь со всем этим, бля буду. Я не смог бы поступить по-другому, Джок, это просто мучило, гноилось внутри меня. Я пытался не обращать на это внимания. Вот почему я хотел работать с Уитвортом, понять, как эта скотина тикает, найти способ поквитаться. Я думал о том, чтобы изуродовать одного из его детей, ну, око за око и вся эта чертова поебень. Но я не смог бы сделать ничего подобного, Джок, не смог бы поступить так с ребенком, чем я тогда лучше этого убудочного зверя, этой ничтожной паскуды...

– Да уж...

– Извини, что втянул тебя в эту разборку, Джок, но стоило тебе прослышать, что мы там с Уитвортом хотим замутить, тебе тоже приспичило вписаться. Как репей пристал, право слово. Хочу, мол, тоже поучаствовать, мы же друзья и все такое. Прилепился, как чертова тень, ага. Я пытался сделать так, чтобы ты уловил эти вибрации херовы, но до тебя не доходило: давай, мол, вместе замутим, и все тут, – мы же друзья, Джок, партнеры.

Мы приехали ко мне домой. Моя пустынная квартира, приняв двух людей, казалась еще пустынее. Я сел на кровать, Гэри сел в кресло напротив. Я включил радио. Она забрала свое барахло и смотралась несколько месяцев тому назад, но здесь по-прежнему оставались следы ее присутствия; перчатка, шарф, постер, присобаченный ею к стене, эти русские куклы из Ковент-Гардена. Стоило мне перенервничать, и значение этих предметов казалось преувеличенным, угрожающим. Сейчас они выглядели всеподавляющими. Гэри и я сидели, пили неразбавленную водку и ждали новостей.

Вскоре Гэри поднялся и пошел отлить. Вернулся он с обрезом. Он снова сел обратно в кресло напротив меня. Его пальцы выстукивали марш по узкому стволу. Когда он заговорил, его голос казался странным, отстраненным и бесплотным.

– Ты видел его лицо, Джок?

– Это, блядь, не смешно, Гэл, ты, мудило тупой! – прошипел я, и гнев наконец прорвался сквозь мой одуряющий страх.

– Да, но его лицо, Джок. Это чертово льстивое гнусное лицо. Джок, люди и вправду меняются, когда наставляешь на них ствол.

Он глядел прямо мне в глаза. Теперь обрез был направлен на меня.

– Гэл... харé выебываться, мужик, хватит...

Я не мог дышать, я чувствовал, как дрожат мои кости; от ступней до макушки все мое тело содрогалось в вибрирующем, болезненном ритме.

– Да, – протянул он. – Люди меняются, когда наставляешь на них ствол.

Оружие по-прежнему смотрело на меня. Он перезарядил его, когда ходил отлить. Точняк.

– Я слышал, ты довольно часто навещал мою жену, когда я сидел, приятель, – ласково сказал он.

Я пытался сказать что-то, хотел объяснить, оправдаться, но голос застрял у меня в глотке, когда его палец напрягся на спусковом крючке.

Евротреш

Меня бесило все и вся. Я не хотел видеть людей вокруг. Такая неприязнь отражала не какую-то сильную подавляющую тревогу, а просто зрелое признание моей собственной психологической ранимости и отсутствия качеств, необходимых для поддержания с кем-то дружеских отношений. Разные мысли боролись за место под солнцем в моем перегруженном мозгу, а я отчаянно старался придать им какой-нибудь порядок, могущий послужить стимулом для моей вялой и апатичной жизни.

Для других Амстердам был волшебным местом. Жаркое лето; молодые люди, наслаждающиеся достопримечательностями города – олицетворения индивидуальной свободы. Для меня же он был скучной чередой размытых теней. Яркий солнечный свет раздражал меня, и я редко выбирался из дома до наступления темноты. Днем я смотрел по телевизору программы на английском и голландском и курил много марихуаны. Рэб оказался далеко не гостеприимным хозяином. Абсолютно не чувствуя своей нелепости, он сообщил мне, что в Амстердаме известен под именем Робби.

Отвращение ко мне Рэба / Робби словно вспыхивало ярким пламенем за маской его лица, выкачивая кислород из маленькой гостиной, где я устроил себе лежбище. Я замечал, как мышцы его скул дергались в едва сдерживаемой ярости, когда он приходил домой, грязный, мрачный и усталый от тяжелой физической работы, – и находил меня, размякшего перед ящиком с привычным косяком в руке.

Я был обузой. Я провел здесь всего четырнадцать дней, будучи три недели на чистяке. Физические симптомы отмены пошли на убыль. Если можешь продержаться месяц, у тебя есть шанс. Тем не менее я чувствовал, что пришло время подыскать свою квартиру. Моя дружба с Рэбом (теперь, разумеется, переименованным в Робби) не выжила бы на основе такой односторонней эксплуатации. А что еще хуже – мне было на все насрать.

Однажды вечером, недели через две после того, как я у него поселился, Рэб решил, что с него достаточно.

– Когда уже соберешься искать работу, мужик? – спросил он с явно напускным безразличием в голосе.

– Я ищу, приятель. Вчера прошвырнулся по городу, попробовал нарыть кое-какие мазы, понимаешь? – Неприкрытая ложь, выданная с изобретательной искренностью.

Так мы и жили – наигранная цивилизованность с подтекстом обоюдного антагонизма.

Я сел на 17-й трамвай, шедший в центр из депрессивного квартальчика Рэба / Робби в западном секторе. Ничего и никогда не происходит в таких местах, как наше; район назывался Слотерварт. Везде панельные стены и бетон. Один бар, один супермаркет, один китайский ресторан. Повсюду то же самое. Необходим центр города, чтобы уловить дух места. А так – будто снова вернулся в Уэстер-Хейлс² или Кингсмид-Истейт, в одно из тех мест, от которых я и смотался сюда. Только убежать мне не удалось. Один мусорный бак в трущобах в стороне от *action strasser* ничем не отличается от множества других, и не важно, в каком городе он находится.

В своем нынешнем душевном состоянии я ненавидел любое общение с людьми. И Амстердам – скверное место в такой ситуации. Только я вышел с вокзала на Дамрак, и тут же ко мне пристали. Я ошибся, начав озираться по сторонам в попытках сориентироваться.

– Француз? Американец? Англичанин? – спросил меня парень арабского вида.

– Отъебись, – прошипел я.

² Уэстер-Хейлс – юго-западный район Эдинбурга.

Даже скрывшись в английском книжном магазине, я продолжал слышать голос парня, перечислявшего наркоту в ассортименте:

– Гашиш, героин, кокаин, экстази...

Я думал расслабиться, глядя на корешки, но тут же пришлось бороться с серьезной дилеммой: не спереть ли книжку? Решив этого не делать, я вышел, опасаясь, что желание станет нестерпимым. Довольный собой, двинул через площадь Дам вглубь квартала красных фонарей. Холодные сумерки сгустились над городом. Я прогуливался, наслаждаясь подступающей темнотой. На уводящей вбок от канала улочке, рядом с тем местом, где в окнах сидят шлюхи, мне навстречу с угрожающей скоростью шагал мужчина. Я тут же решил схватить его за шею и задушить на месте, если он попытается завести со мной разговор. С этим кровожадным намерением я сфокусировал взгляд на его адамовом яблоке, и мое лицо исказила презрительная усмешка, когда я увидел, что его холодные глаза насекомого медленно наполнились страхом от дурного предчувствия.

– Час... который... не подскажете? – боязливо спросил он.

Я мотнул головой, решительно шагая мимо, и ему пришлось выгнуться всем телом, чтобы не столкнуться со мной и не свалиться на мостовую. На Вармистраат уже было не так легко. Молодая шпана затевала уличные драки; фаны «Аякса» и «Зальцбурга». Кубок УЕФА. Да. Я не мог вынести суеты и криков. Шум и движение нервировали меня больше, чем сама угроза насилия. Следуя линии наименьшего сопротивления, я свернул на боковую улочку и зашел в полутемный бар.

Тихий, спокойный райский уголок. Ни души, кроме темнокожего мужчины с желтыми зубами (я никогда еще не видел настолько желтых зубов), увлеченно игравшего в пинбол, и бармена с женщиной, сидевшей на табурете у барной стойки. Они распивали бутылку текилы и, судя по их смеху и жестам, знали друг друга куда ближе, чем подразумевают отношения obsługi с клиентом.

Бармен наливал женщине стопку за стопкой. Оба они были слегка пьяны, выставляя напоказ свой приторный флирт. Мужчине потребовалось какое-то время, чтобы наконец заметить мое присутствие в баре. На самом деле той женщине пришлось обратить его внимание на меня. В ответ он лишь смущенно пожал плечами, глядя на нее, хотя было очевидно, что ему на меня наплевать. И еще я почувствовал, что был для него помехой.

В определенных состояниях сознания я был бы оскорблен этим пренебрежением и, несомненно, начал бы качать права. В некоторых других состояниях я сделал бы гораздо больше. В настоящий же момент я радовался, что меня игнорируют, это лишь подтверждало, что я положительно невидим, чего и добивался. Мне было все по барабану.

Я заказал «Хайнекен». Женщина, казалось, хотела втянуть меня в их беседу. Я же намеревался избежать контакта. Мне нечего было сказать этим людям.

– Ну и откуда же ты приехал с таким акцентом? – засмеялась она, пронизывая меня своим рентгеновским взглядом.

Когда ее глаза встретились с моими, я тут же углядел тип человека, который, несмотря на кажущуюся дружелюбность, инстинктивно желает манипулировать людьми. Возможно, я попросту увидел свое отражение.

– Из Шотландии, – улыбнулся я.

– Правда? Откуда? Глазго? Эдинбург?

– На самом деле отовсюду, – ответил я вкрадчиво пресыщенным голосом.

Да кого ебет, из каких неразличимых говенных городков и трущоб я выполз, когда рос в этой скучной и отвратительной маленькой стране?

Она хохотнула, даже задумалась на мгновение, как будто я сказал что-то действительно стоящее.

– Отовсюду, – повторила она, – прямо как я. Отовсюду.

Она представилась: Крисси. Ее бойфренда – или того, кто еще только претендовал на этот статус, ухлестывая за ней, – звали Ричардом. Из-за барной стойки тот украдкой кидал на меня обиженные взгляды, пока я не повернулся к нему, уловив его гримасы в зеркале. Он по-утиному качнул головой и расстроено прошипел «Привет», неловко пощипывая на своем изрытом оспинами лице крысиную бородку, скорее подчеркивающую, а не скрывающую лунный пейзаж, из которого росла.

Крисси болтала в беспорядочной, экспансивной манере, высказываясь об окружающем мире и приводя показательные примеры из своей жизни.

У меня есть привычка – смотреть на голые руки людей. Руки Крисси были испещрены давними «дорогами»; похожие следы остаются после трансплантации тканей для сокрытия швов. Еще более заметными были следы от порезов, свидетельствовавшие своей глубиной и расположением больше о ненависти к самой себе, о реакции на глубокое разочарование, а никак не о серьезной попытке самоубийства. Ее лицо было открытым и живым, но в ее водянистых глазах отражалась униженность, обычная для травмированных людей. Я читал Крисси как старую потертую карту всех мест, где ты не хочешь побывать: наркомания, умственное расстройство, наркопсихоз, сексуальная эксплуатация. В Крисси я видел ту, кому не нравится ни этот мир, ни она сама, и она пытается улучшить свое положение с помощью ебли и наркоты, не понимая, что только осложняет себе жизнь, усугубляет проблему. Я и сам был знаком с некоторыми из тех мест, где побывала Крисси. Но она выглядела так, словно была очень плохо снаряжена для подобных путешествий и, похоже, задерживалась там намного дольше, чем другие.

В данный момент ее проблемы заключались в выпивке и Ричарде. Моей первой мыслью было то, что она заслуживала обоих. Я нашел Крисси довольно омерзительной. Ее тело было покрыто слоем твердого жира вокруг живота, лодыжек и бедер. В ней я видел забитую женщину, чье единственное сопротивление среднему возрасту заключалось в решении носить молодежную одежду, слишком облегающую и откровенную для ее мясистой фигуры.

Ее одутловатое лицо строило мне игривые гримасы. Меня слегка подташнивало от этой женщины; она лишилась привлекательности, но бессознательно пыталась по-прежнему демонстрировать давно потерянный сексуальный магнетизм, словно не замечая гротескной водевильной карикатурности того, что его подменило. Именно тогда, как парадоксально это ни звучит, меня пронизал ужасный импульс, родившийся даже не в гениталиях, а где-то глубже: этот человек, который мне отвратителен, эта женщина станет моей любовницей.

Почему же это должно было случиться? Наверное, из-за моей природной тяги делать все наперекор; возможно, в Крисси, как в некоем странном фокусе, сошлись отвращение и привлекательность. Может быть, я восхищался ее упрямым отказом признать безжалостное увядание своих возможностей. Она вела себя так, словно новые, будоражащие, восхитительные события ждали ее за углом, несмотря на все доказательства обратного. Я чувствовал беспричинное желание, как и обычно при встрече с таким типом людей, тряхнуть ее и выкрикнуть правду ей в лицо: «Ты бесполезный, уродливый кусок мяса! Твоя жизнь до сих пор была безнадежной и отвратительной, и впредь она станет только еще хуже. Перестань лгать самой себе».

Во мне бушевала масса конфликтующих эмоций: активно презирая кого-то, я в то же время готовился этого человека соблазнить. Только гораздо позже я признал, к своему ужасу и стыду, что эти чувства ни капли не конфликтовали. Тем не менее тогда я не был уверен, флиртвала Крисси со мной или только поддразнивала этого убогого Ричарда. Возможно, она и сама не была в этом уверена.

– Мы завтра едем на пляж. Давай с нами! – заявила она.

– Было бы замечательно, – широко улыбнулся я, и Ричард побледнел.

– Мне, возможно, придется работать... – нервно, заикаясь, выдавил он.

– Ну, тогда, если ты нас не повезешь, мы поедem сами! – Она жеманно улыбнулась, будто маленькая девочка: ни дать ни взять шлюшьи повадки, а она явно когда-то и была шлюхой, пока внешность позволяла.

Я, безусловно, ломился в раскрытые ворота.

Мы выпили еще и поговорили, пока все сильнее нервничающий Ричард не закрыл бар, а потом пошли в кафе немного дунуть. Планы на завтра окончательно определились; я жертвовал своей ночной жизнью ради дневных пляжных забав с Крисси и Ричардом.

На следующий день Ричард, везя нас на пляж, был очень напряженный. Любо-дорого было видеть, как белеют костяшки его пальцев на руле, когда Крисси, перегнувшись через спинку переднего сиденья, кокетничала со мной. Любую глупую шутку или несмешной анекдот, лениво слетавшие с моих губ, Крисси встречала взрывами неистового хохота, в то время как Ричард страдал в напряженном молчании. Я буквально ощущал, как растет его ненависть ко мне, затмевая белый свет, спирая дыхание, мешая думать. Я чувствовал себя проказливым ребенком, увеличивающим громкость на телевизоре с единственной целью разозлить взрослых.

Впрочем, Ричард немного поквитался, когда вставил в магнитоу кассету *Carpenters*. Я места себе не находил, пока они с Крисси хором подпевали.

– Такая ужасная потеря – Карен Карпентер, – серьезно сказала она.

Ричард угрюмо кивнул.

– Очень жалко, правда же, Юэн? – спросила Крисси, желая включить меня в их странный мини-фестиваль скорби по поводу этой мертвой поп-звезды.

Я улыбнулся – доброжелательно, с налетом похуизма:

– Мне насрать. По всему миру есть люди, которые реально голодают. Ну и почему я должен оплакивать какую-то сверхпривилегированную ебанашку-янки, которая так ебанулась, что не могла даже ложку жратвы до собственного рта донести?

Последовало удивленное молчание. Наконец Крисси заныла:

– У тебя гадкий, циничный ум, Юэн!

Ричард чистосердечно согласился, не в силах скрыть удовольствия от того, что я ее расстроил. Он даже стал подпевать песенке «Top of the World»³. После этого они с Крисси принялись болтать на голландском и хихикать.

Меня не волновало это временное отлучение. По правде говоря, я наслаждался их реакцией. Ричард попросту не понимал таких людей, как Крисси. Я чувствовал, что ее привлекают уродство и цинизм, поскольку она считает себя способной изменить людей. Во мне она видела вызов. Раблепное ухаживание Ричарда иногда забавляло ее, но все же он, пресный и скучный, был подобен коротким каникулам, а не чему-то постоянному. Пытаясь стать таким, каким, по его мнению, она хочет его видеть, он не оставил ей ничего для изменения, не давая удовлетвориться действительно сильным влиянием на отношения друг с другом. А покамест она будет держать этого дурака рядом на привязи, чтобы потакал ее безграничному тщеславию.

Мы лежали на песке. Мы кидали друг другу мяч. Это было некоей карикатурой на то, что люди делают на пляже. Мне стало неуютно от всей ситуации, да и от жары, и я пошел полежать в теньке. Ричард бегал вокруг в своих обрезанных джинсах; загорелый и атлетичный, несмотря на слегка вздутый живот. Крисси выглядела неприлично дряблой.

Когда она пошла за мороженым, впервые оставив меня с Ричардом наедине, я немного занервничал.

– Она изумительна, правда же! – с восторгом заявил он, и я неохотно улыбнулся. – Крисси через многое прошла.

– Да, – признал я. Это я уже и сам понял.

³ «Вершина мира» (англ.).

– Я к ней отношусь совсем не так, как к другим женщинам. Я давно с ней знаком. Иногда мне кажется, что ее надо защищать от нее самой.

– Это слишком концептуально для меня, Ричард.

– Ты знаешь, о чем я. Ты носишь длинные рукава.

Моя нижняя губа искривилась в инстинктивной обиде. Детская, абсолютно нечестная ответная реакция кого-то, кто на самом деле не обижен, но делает вид, что обиделся, дабы оправдать будущую агрессию или заставить собеседника взять свои слова назад. Для меня такое поведение было вторым «я». Пусть Ричард тешится иллюзией власти надо мной; полагая, будто выяснил обо мне все, он станет дерзким и потому неосторожным. А я подловлю момент и вырву у него сердце. Не такая уж сложная мишень – рубаха-парень, душа нараспашку. Во всей этой ситуации мои с Ричардом отношения были даже важнее отношений между мной и Крисси – в каком-то смысле она была лишь полем нашей с Ричардом битвы. Естественная антипатия, возникшая при первой же встрече, прошла тепличный период в парнике дальнейшего контакта. За поразительно короткое время она распустилась в полноценную ненависть.

Ричард нисколько не раскаивался в своем бестактном замечании. Напротив, он продолжил атаку, пытаясь создать из меня подходящий объект ненависти:

– Мы, голландцы, отправились в Южную Африку. Вы, британцы, угнетали нас. Вы засушили нас в концлагеря. Это вы придумали концлагеря, а не нацисты. Научили их этому, да и геноциду. Вы извели маори в Новой Зеландии чуть ли не под ноль – эффективнее, чем Гитлер с евреями. Я не оправдываю то, что буры делают в Южной Африке. Никогда. Никким образом. Но вы, британцы, заложили ненависть в их сердца, сделали их жестокими. Угнетение порождает угнетение, а не разрешение конфликта.

Я ощутил прилив злости. Меня так и подмывало толкнуть речь, что я шотландец, а не британец и что Шотландия – последняя оккупированная колония Британской империи. Хотя я в это не больно-то и верю; шотландцы угнетают сами себя своей одержимостью насчет англичан, которая и порождает ненависть, страх, раболепство, зависимость и презрение. Да и не собирался я ввязываться в спор с этим самовлюбленным идиотом.

– Не стану утверждать, что разбираюсь в политике, Ричард. И все же, мне кажется, твой анализ отдает субъективностью.

Я встал, улыбаясь Крисси, которая вернулась со стаканчиками «Хаген-Даз», украшенными на верхушке затейливой розочкой.

– Знаешь, Юэн, кто ты такой? Знаешь? – приставала она.

Крисси явно обдумывала какую-то тему, пока ходила за мороженым. Теперь она выплеснет свои наблюдения на нас. Я пожал плечами.

– Посмотрите-ка на этого Мистера Хладнокровие. Везде бывал, все пробовал. Ты точно такой же, как Ричард и я. Бездельничаешь и гуляешь. Куда там ты собирался после Амстердама?

– На Ибицу или в Римини, – ответил я.

– Туда, где рейверские тусовки и экстази, – заключила она.

– Хорошие тусовки, – кивнул я. – Побезопаснее джанка.

– Может, и так, – сказала она раздражительно, – но ты просто евротреш, Юэн. Мы все такие. Сюда прибывает всякое отребье. Амстердамский порт. Мусорный бак для европейского хлама.

Я улыбнулся и достал новую бутылку «Хайнекена» из корзинки Ричарда.

– За это стоит выпить. За евротреш! – провозгласил я.

Крисси с энтузиазмом ударила своей бутылкой по моей. Ричард неохотно присоединился к нашему тосту.

Ричард, конечно же, был голландцем, но вот акцент Крисси было гораздо сложнее определить. У нее временами появлялся ливерпульский выговор, как если бы тамошний уроженец

пытался закосить под некий гибрид английского и французского среднего класса, хотя я был уверен, что этот акцент напускной. И все же я вообще не собирался спрашивать, откуда она, чтобы не дать ей возможность ответить: отовсюду.

Когда мы тем вечером вернулись в город, Ричард явно страшился худшего. В баре он тщетно пытался спойти нас, отчаянно стараясь свести то, что должно было случиться, к нулю и облому. Его лицо приняло измученное выражение. Я собирался домой вместе с Крисси. Это было настолько очевидно, что она могла с таким же успехом дать объявление в газете.

– Я так устала, – зевнула она. – Это все морской воздух. Проводишь меня домой, Юэн?

– Почему бы тебе не подождать, пока я закончу работу? – простонал в отчаянии Ричард.

– О, Ричард. Я совершенно измотана. Не беспокойся, Юэн доведет меня до станции, да?

– Где ты живешь? – прервал ее Ричард, обращаясь ко мне, пытаюсь получить хоть долю контроля над событиями.

Я отмахнулся от его вопросов и повернулся к Крисси.

– Это самое меньшее, что я могу сделать после того, как вы с Ричардом устроили мне такой великолепный день. Да и мне тоже пора спать, – продолжил я низким, маслянистым голосом, выпустив на лицо ленивую усталую улыбку.

Крисси чмокнула Ричарда в щеку.

– Я позвоню тебе завтра, детка, – сказала она, глядя на него так, как мать смотрит на недовольного ребенка.

– Спокойной ночи, Ричард, – улыбнулся я, когда мы уже уходили.

Я распахнул дверь для Крисси, а когда она вышла, оглянулся на измученного дурака за барной стойкой и подмигнул ему, приподняв брови:

– Сладких снов.

Мы прошли через квартал красных фонарей, через каналы Вурбург и Ахтербург, наслаждаясь свежим воздухом и городской суетой.

– Ричард невероятно ревнив. Так раздражает, – задумчиво сказала Крисси.

– Нет сомнений, что его сердце в правильном месте, – отозвался я.

Мы шли к вокзалу в полнейшей тишине, к тому самому месту, где останавливался трамвай Крисси. Она жила прямо за стадионом «Аякса». Я решил, что пришло время огласить мои намерения. Повернулся к ней и сказал:

– Крисси, я хочу провести эту ночь с тобой.

Она глянула на меня, полузакрыв глаза и выдвинув челюсть.

– Так я и думала, – самодовольно ответила она. Крисси обладала просто потрясающим высокомерием.

Дилер, стоявший на мосту над Ахтербургским каналом, окинул нас взглядом. Демонстрируя тонкое понимание момента и знание рынка, он прошипел: «Экстази для секса». Крисси вскинула брови и хотела было остановиться, но я потащил ее дальше. Говорят, что экстази хорош для ебли, но лично я под ним могу только танцевать и обниматься. Да и вообще, последний раз был у меня так давно, что мои яйца попросту распирало от желания. В общем, только афродизиака еще и не хватало. Крисси мне не нравилась. Мне нужен был трах, вот и все. Под хмурым ты словно объявляешь сексуальный мораторий, а затем постгероиновое сексуальное пробуждение пощады не знает – этот нестерпимый зуд не уймется, пока не почесешь. Мне надоело сидеть и дрочить в гостиной у Рэба / Робби, смешивая затхлый мускусный запах спермы с дымом гашиша.

Крисси делила квартиру с нервной смазливой девушкой, Маргрит, которая постоянно грызла ногти, закусывала нижнюю губу и говорила на беглом голландском и медленном английском. Мы немножко поболтали втроем, а потом мы с Крисси направились в ее спальню в пастельных тонах.

Я начал целовать и трогать Крисси, и мысли о Ричарде не покидали меня ни на секунду. Я не хотел сексуальных игр, я не хотел заниматься любовью, не с этой женщиной. Я хотел выебать ее. Сейчас же. Лапал я ее только из-за Ричарда, считая, что, потратив время на это и сделав все должным образом, добьюсь большего контроля над ней и тогда сумею доставить ему больше неприятностей.

– Трахни меня... – прошептала она.

Я откинул одеяло и непроизвольно скривился, увидев ее влагалище. Оно было ужасным: воспаленное и в шрамах. Она слегка смутилась и застенчиво объяснила:

– Мы с подружкой забавлялись... с пивными бутылками. Просто немножко увлеклись. У меня здесь все воспалено... – она потеряла свою промежность, – трахни меня в попку, Юэн, мне это нравится. У меня тут есть вазелин.

Она вытащила из тумбочки банку «KY» и стала намазывать мой эрегированный член.

– Ты ведь не будешь возражать? Сунуть мне в попку? Давай любить друг друга как животные, Юэн... мы и есть животные, евротреш, помнишь?

Она перевернулась и стала намазывать вазелином свою задницу, начиная со складок, а затем и саму дырку. Когда она закончила, я засунул ей палец, проверяя на дерьмо. Против анального секса я ничего не имею, но терпеть не могу дерьма. Дырка была чистой, и к тому же куда симпатичнее ее пизды. Будет гораздо приятнее пялить Крисси туда, чем в воспаленную разодранную щель, испещренную шрамами. Лесбийские игрища? Как же, как же. С Маргрит, что ли? Хуй там. И хрен бы с ней, с эстетикой, но я боялся кастрации, так и представляя дырку, полную битого стекла. Хватит мне и ее задницы.

Она, несомненно, делала это раньше много раз – настолько легко я вошел в ее задницу. Я схватил ее тяжелые ягодицы обеими руками, в то время как ее отвратное тело прогибалось передо мной. Думая о Ричарде, я прошептал ей:

– Мне кажется, тебя надо защищать от тебя самой.

Я агрессивно дергался и был шокирован, увидев свое отражение в зеркале – перекошенное, ухмыляющееся, уродливое лицо. Энергично потирая свою воспаленную пизду, Крисси кончила, ее толстые складки болтались из стороны в сторону, когда я выпустил струю ей в ректум.

После секса я почувствовал сильное омерзение. Просто лежать рядом с ней было пыткой. Меня чуть не стошнило. В какой-то момент я попытался отвернуться от нее, но она обняла меня своими большими рыхлыми руками и прижала к груди. И я лежал, истекая холодным потом, переполняемый отвращением к самому себе, сжатый между ее сисек, оказавшихся на удивление маленькими для ее телосложения.

Несколько недель мы с Крисси продолжали трахаться, всегда в той же позиции. Раздражение Ричарда при виде меня увеличивалось прямо пропорционально этим постельным забавам, и хотя я согласился с Крисси не рассказывать Ричарду о наших с ней отношениях, они были более или менее открытым секретом. При любых других обстоятельствах я бы потребовал прояснить роль этого пиздострадальца в нашей тусовке. Впрочем, я уже планировал бортануть Крисси. Для этого, рассуждал я, лучше всего было держать Крисси и Ричарда вместе. Что странно, у них как будто не было широкого круга близких друзей, только случайные приятели вроде Сайруса – мужика, игравшего в пинбол у Ричарда в баре. Так что настраивать Крисси с Ричардом друг против друга я вовсе не хотел. Если это произойдет, избавиться от Крисси я смогу, лишь причинив этой неуравновешенной суке изрядную боль. Какие бы у нее ни были недостатки, без этого она точно обошлась бы.

Я не обманывал Крисси; и сейчас, вспоминая обо всем, не пытаюсь оправдаться перед самим собой за то, что случилось. Я могу это сказать с полной уверенностью, поскольку точно помню наш разговор в кофе-шопе на Утрехтстраат. Крисси, воображая себе невесть что, строила планы о том, как я перееду к ней жить. Это было вопиюще неуместно. Тут же я открыто

высказал ей то, что исподволь говорил своим отношением к ней всю дорогу, – то, что она могла бы и сама понять, если бы только удосужилась разуть глаза.

– Не ожидай от меня того, чего я не могу тебе дать, Крисси. Ты тут ни при чем. Все дело во мне. Я не могу быть связан серьезными отношениями. Я никогда не смогу стать тем, кем ты хочешь меня видеть. Я могу быть другом. Мы можем трахаться. Но не проси меня дать тебе нечто большее. Я не могу.

– Кто-то, должно быть, очень глубоко тебя ранил, – сказала она, покачивая головой и выдыхая гашишный дым над столом. Она пыталась превратить свою обиду в жалость ко мне, и у нее это плохо получалось.

Я помню наш разговор в кофе-шопе так хорошо потому, что он произвел на нее совершенно противоположный эффект, нежели я рассчитывал. Ее стало тянуть ко мне еще сильнее; как будто я бросил ей новый вызов.

Такова была правда, но, вероятно, далеко не вся. Я не мог жить с Крисси. Невозможно возбудить чувство там, где его нет. Но наступило время перемен. Я ощущал себя физически и морально сильнее, готовый раскрыться, вылезти из непрошибаемой скорлупы замкнутости. Оставалось только найти подходящего человека.

Я получил работу портье-на-все-руки в маленьком отеле на Дамраке. Долгие рабочие часы тянулись без всякого общения, и я проводил время перед телевизором или за чтением, отвлекаясь лишь на то, чтобы негромко шикнуть на молодого пьяницу или обкуренных гостей, заваливавшихся в отель в любое время дня и ночи. Днем же я начал посещать уроки голландского.

К облегчению Рэба / Робби я съехал с его квартиры и поселился в красивой комнате в особо узком домике на канале Йордаан. Домик был новым, недавно полностью перестроенным, так как предыдущее здание обвалилось и съехало в рыхлый песок амстердамской почвы, но, несмотря на новизну, построен он был в том же традиционном стиле, что и его соседи. И плата была на удивление подъемной.

После того как я переехал, Рэб / Робби опять стал походить на себя прежнего. Он сделался более дружелюбным и общительным, приглашал меня выпить или покурить, познакомиться с его друзьями, которых до этого держал подальше от меня, опасаясь, что они будут испорчены этим джанки. Все его друзья, словно прибывшие на машине времени из шестидесятых, курили гашиш и до смерти боялись «тяжелой наркоты». Свободного времени у меня было не так много, но приятно было по новой наладить отношения с Рэбом / Робби. Как-то в субботу мы хорошо подкурили в кафе «Флойд» и расслабились достаточно для того, чтобы выложить карты на стол.

– Рад видеть, что ты наконец устроился, – сказал он. – Ты был в полной жопе, когда только приехал сюда.

– Спасибо за то, что приютил меня, Рэб... Робби, но ты был не самым гостеприимным хозяином, должен сказать. У тебя была такая кислая физиономия, когда ты возвращался вечерами домой.

– Понимаю, о чем ты, – улыбнулся он. – Наверно, тебе от этого было только еще хреновее. Но ты меня пугал, сечешь? Я целый день въябываю как папа Карло, потом прихожу домой, а там сидит этот полудохлый ушлепок, пытающийся слезть с иглы... и я такой думаю, типа, кого я сюда затащил, чувак?

– Да уж. Я тебя, видать, изрядно напрягал... присосался как пиявка...

– Не, все-таки не до такой степени, – махнул он рукой, весь из себя великодушный от травы. – Но нервяк был, да. Просто, смотри, я такой парень, которому нужно личное пространство, сечешь?

– Секу, приятель, секу, – ухмыльнулся я и проглотил печеньку с гашем. – Я улавливаю твои космические вибрации.

Рэб / Робби хохотнул и сильно затянулся сплифом. Он стал добренький-добренький.

– Знаешь, мужик, я ведь точно вел себя как говнюк. Весь этот бред с Робби. Зови меня так, как всегда звал. Как в Шотландии, в Толлкроссе. Рэб. Вот кто я. Вот кем я всегда буду. Рэб Доран. Бунтари Толлкросса. БТК. Пиздатые были времена, а?

На самом деле то были довольно поганые времена, но дом всегда кажется милее, когда ты вдаль от него и особенно если вспоминается в конопляной дымке. Я поддержал Рэба в его фантазиях, и мы поностальгировали, высадив еще сколько-то косяков, прежде чем отправиться по барам, где нажрались до свинячьего визга.

Несмотря на реанимацию нашей дружбы, я проводил с Рэбом очень мало времени, в основном из-за работы. Днем, если не ходил учиться языку, я зубрил грамматику или спал перед ночной сменой. Среди жильцов в нашей квартире была одна женщина по имени Валерия. Она помогала мне осваивать голландский, в изучении которого я добился немалых успехов. Знание разговорных французского, испанского и немецкого также быстро улучшалось из-за большого количества туристов, с которыми мне приходилось общаться в отеле. Валерия стала хорошим другом; и что еще важнее – у нее была подружка по имени Анна, в которую я влюбился.

Это было прекрасное время. Мой цинизм испарился, и жизнь стала видеться приключением с неограниченными возможностями. Само собой разумеется, я перестал встречаться с Криси и Ричардом и редко появлялся в районе красных фонарей. Эти двое казались реликтами гнусного и грязного периода моей жизни, периода, с которым я навсегда покончил. Я больше не испытывал желания и надобности намазывать свой член вазелином, чтобы погрузить его в дряблую задницу Криси. У меня была красивая молодая подружка, которую я мог любить вдоволь, чем мы и занимались большую часть дня перед тем, как я выходил на свою вечернюю работу, еле волоча ноги от секса.

Без преувеличения жизнь была идиллической до самого конца лета. Все это изменилось в один день; в теплый, ясный день, когда мы с Анной сидели на центральной площади. Я весь сжался, когда увидел Криси. Она направлялась в нашу сторону. На ней были темные очки, и она казалась еще более обрюзгшей, чем раньше. Она была нарочито вежливой и настояла на том, чтобы мы сходили в бар Ричарда на Вармустрат и пропустили по маленькой. Я неохотно согласился, решив, что отказ может вызвать натуральную истерику.

Ричард был искренне рад тому, что у меня подружка и она не Криси. Я никогда не видел его более открытым и чувствовал себя слегка виноватым за то, что подверг его таким пыткам. Он рассказал мне про свой родной город, Утрехт.

– Какие известные люди вышли из Утрехта? – мягко подкалывал я его.

– О, куча народа.

– Да? Назови одного?

– Гмм... ну, Геральд Ваненбург.

– Чувак из Пи-эс-ви?⁴

– Да.

Криси злобно посмотрела на нас.

– Кто такой чертов Геральд Ваненбург? – резко сказала она, повернувшись к Анне и вскинув брови, будто мы с Ричардом сказали какую-то глупость.

– Знаменитый футболист, игрок сборной – промямлил Ричард. И, пытаясь разрядить обстановку, добавил: – Он когда-то встречался с моей сестрой.

– Могу поспорить, ты бы хотел, чтобы он не с ней, а с тобой встречался, – зло ответила Криси.

⁴ PSV (Philips Sport Verenigen – спортивный союз «Филипс») – голландский клуб из Эйнховена, основанный в 1913 г. как футбольная команда компании «Филипс».

На некоторое время воцарилось зловещее молчание, пока Ричард не принес стопки с текилой.

Криси все время крутилась вокруг Анны. Она поглаживала ее обнаженные руки, не переставая говорить ей, какая она красивая и стройная. Анна, скорее всего, смутилась, но не подавала виду. Мне была неприятна эта толстая жаба, лапающая мою подружку. Она становилась все более агрессивной с каждой выпитой рюмкой. Вскоре она начала расспрашивать, как у меня дела и чем я сейчас занимаюсь. Ее тон был вызывающим.

– Вот только мы его почти не видим в последнее время, да, Ричард?

– Успокойся, Криси... – ответил Ричард, чувствуя себя явно неловко.

Криси погладила Анну по щеке. Анна смущенно улыбнулась.

– Он тебя трахает так же, как меня? В твою маленькую красивую попку? – спросила она.

У меня было такое чувство, будто с моих костей содрали мясо. Лицо Анны исказилось, и она повернулась ко мне.

– Думаю, что нам лучше уйти, – сказал я.

Криси швырнула в меня пивной кружкой и стала оскорблять. Ричард вцепился в нее, не отпуская от барной стойки, иначе бы она ударила меня.

– ЗАБИРАЙ СВОЮ МАЛЕНЬКУЮ БЛЯДЬ И УЕБЫВАЙ! НАСТОЯЩИЕ БАБЫ ТЕБЕ НЕ ПО ДУШЕ, ДЖАНКИ ХУЕВ! ТЫ ЕЙ ПОКАЗЫВАЛ СВОИ РУКИ?

– Криси... – слабо начал я.

– УЕБЫВАЙ! УЕБЫВАЙ ОТСЮДА! ТРАХАЙ СВОЮ МАЛЕНЬКУЮ ДЕВОЧКУ, ЕБАНЬИ ПЕДОФИЛ! Я НАСТОЯЩАЯ, Я НАСТОЯЩАЯ ЖЕНЩИНА, МУДАК!

Я буквально вытолкнул Анну из бара. Сайрус обнажил желтые зубы и невозмутимо пожал широкими плечами. Я обернулся и увидел, как Ричард успокаивает Криси.

– Я настоящая женщина, а не какая-то маленькая девочка.

– Ты прекрасна, Криси. Самая прекрасная, – нежно говорил Ричард.

В каком-то смысле это было благословение. Мы с Анной зашли выпить в другой бар, и я рассказал ей всю правду про Ричарда и Криси, не утаивая ничего. Я рассказал ей, как херово себя чувствовал, и в какой жопе находился, и как, хотя ничего ей не обещал, довольно поганно обошелся с Криси. Анна все поняла, и мы решили забыть этот эпизод. В результате нашего разговора я почувствовал себя еще лучше, и моя последняя маленькая амстердамская проблема разрешилась.

Странно, но когда через несколько дней я услышал о том, что из Оостердока, рядом с центральным вокзалом, выловили тело женщины, то сразу же подумал о Криси, она ведь была такой ебнутой. Правда, я быстро забыл об этом. Я наслаждался жизнью или хотя бы пытался наслаждаться, несмотря на то что обстоятельства работали против нас. Анна поступила в колледж на модельера, и из-за моих ночных смен мы вечно находились в противофазе, поэтому я всерьез подумывал подыскать себе другую работу. К тому же я скопил приличную сумму гильденов.

Я в раздумьях валялся на диване, когда услышал настойчивый стук в дверь. Это был Ричард, и как только я открыл дверь, он плюнул мне в лицо. Я был слишком шокирован, чтобы разозлиться.

– Ты убийца, твою мать! – прорычал он.

– Что?

Я все понял, но не мог это осмыслить. Тысячи импульсов заполнили мое тело, повергнув меня в ступор.

– Криси мертва.

– Оостердок... это была Криси...

– Да, это была Криси. Теперь ты рад?

– НЕТ, МУЖИК... НЕТ! – запротестовал я.

– Лжец! Долбанный лицемер! Ты обращался с ней, как с дерьмом. Ты и другие такие же гниды. Использовал ее и выкинул, как грязную тряпку. Воспользовался ее слабостью, ее желанием открыться. Такие люди, как ты, всегда так делают.

– Нет! Это было совсем не так, – взмолился я, зная, что все было точно так, как он описал.

Ричард молча стоял и смотрел на меня. У меня было такое чувство, будто он глядит сквозь меня, на что-то, мне недоступное. Я прервал молчание, длившееся, наверно, лишь несколько секунд, хотя казалось, что прошли минуты.

– Я хочу пойти на похороны, Ричард.

Он жестоко ухмыльнулся:

– На Джерси? Ты же туда не поедешь!

– Нормандские острова... – сказал я нерешительно. Я не знал, что Крисси родом оттуда. –

Поеду, – заявил я ему.

Я твердо решил поехать. Все-таки я виноват. Да, я должен поехать. Ричард окинул меня презрительным взглядом, затем заговорил низким, дрожащим голосом:

– Сент-Хелиер, Джерси. Дом Роберта ле Маршана, отца Крисси. Следующий вторник. Ее сестра уже там, она занималась перевозкой тела.

– Я хочу поехать. А ты?

Он горько усмехнулся:

– Нет. Она мертва. Я хотел ей помочь, когда она была жива.

Он повернулся и пошел прочь. Я смотрел ему вслед, пока его спина не растворилась в темноте, затем вернулся в квартиру, не в состоянии унять дрожь по всему телу.

Мне нужно было добраться до Сент-Хелиера ко вторнику. Адрес ле Маршана можно будет выяснить позднее, когда я доберусь до острова. Анна захотела поехать вместе со мной. Я сказал ей, что я совершенно неподходящий компаньон для такого путешествия, но она настаивала на своем. Вместе с Анной, терзаемый угрызениями совести, которые словно пропитали арендованную машину, я проехал через Голландию, Бельгию и Францию к небольшому порту Сен-Мало. Я думал о Крисси, конечно, но одновременно и о других вещах, о которых раньше не задумывался. Начал думать о политике европейской интеграции, пытаюсь понять, хорошо это или плохо. Я пытался сопоставить мнение политиков с тем парадоксом, что узрел, проезжая по уродливым дорогам Европы; абсурдная несовместимость с неминуемым политическим объединением. Идеи политиков казались еще одной мошеннической схемой для выкачивания денег из населения или очередной попыткой властных структур закрутить гайки. По пути к Сен-Мало мы ели в захудалых придорожных забегаловках. Приехав, мы с Анной сняли номер в дешевой гостинице и надрались в стельку. Следующим утром мы паромом отправились на Джерси.

Мы прибыли в понедельник и снова сняли комнату в гостинице. В «Джерси ивнинг пост» не было никаких объявлений о похоронах. Я достал телефонный справочник и поискал ле Маршана. В справочнике их было шесть, но только один – Р. Мужчина поднял трубку.

– Алло?

– Алло. Я хотел бы поговорить с мистером Робертом ле Маршаном.

– Я вас слушаю.

– Извините за беспокойство, но мы друзья Крисси и приехали из Голландии на похороны.

Мы знаем, что все запланировано на завтра, и хотели бы присутствовать.

– Из Голландии? – мрачно повторил он.

– Да. Мы сейчас в отеле «Гарднер».

– Ну, вы проделали долгий путь, – констатировал он. Его классический вкрадчивый английский акцент сильно раздражал. – Похороны в десять. Церковь Святого Томаса, кстати, через дорогу от вашего отеля.

– Спасибо, – сказал я, но он уже положил трубку.

Констатирует, блин... Казалось, будто для мистера ле Маршана все было просто констатацией фактов.

Я был выжат как лимон. Конечно, холодность и неприязнь ле Маршана объяснялись неизбежными предположениями насчет амстердамских друзей Крисси и причины ее смерти; когда ее выловили из дока, в ее желудке нашли кучу барбитуратов.

На похоронах я представился ее матери и отцу. Мать была маленькой женщиной, иссохшей от этой трагедии до практически полного небытия. Отец явно терзался угрызениями совести, раздавленный крахом и ужасом, и меня чуть отпустило чувство вины за мою маленькую, но решающую роль в смерти Крисси.

– Не хочу лицемерить, – сказал он. – Мы не всегда находили общий язык, но Кристофер был моим сыном, и я любил его.

В груди набух комок, в ушах зазвенело, а в атмосфере, казалось, выгорел весь кислород. Все внешние звуки затихли. Я каким-то образом сумел кивнуть, извиниться и отойти от родственников, собравшихся вокруг могилы.

Я стоял, содрогаясь в замешательстве, и прошлые события вихрем пронеслись в моей голове. Анна крепко обняла меня, и остальные наверняка подумали, что я убит горем. Какая-то женщина подошла к нам. Она была более молодой, подтянутой и красивой версией Крисси... Криса...

– Вы знаете, да?

Я стоял, уставившись куда-то вдаль.

– Пожалуйста, только ничего не говорите отцу с матерью. Разве Ричард не сказал вам?

Я отрешенно мотнул головой.

– Это убьет маму и папу. Они до сих пор ничего не знают о его перемене... Я привезла тело домой. Попросила постричь его, одеть в костюм. Занесла гробовщикам денег, чтобы ничего не рассказали родителям... это причинит лишь боль. Он не был женщиной. Он был моим братом, понимаете? Он был мужчиной. Таким он родился, таким был похоронен. Все прочее лишь причинило бы боль тем, кто остался. Вы же понимаете? – с мольбой в глазах сказала она. – Крис... ничего не понимал. Здесь у него была полная каша. – Она указала на голову. – Бог свидетель, я пыталась. Мы все пытались. Родители могли свыкнуться с наркотиками, даже с гомосексуализмом. Для Кристофера это все было большим экспериментом. Он пытался найти себя... вы же знаете, как у этих бывает. – Она посмотрела на меня полусмущенно-полупрезрительно. – Я имею в виду, у такого типа людей.

Она заплакала.

Ее одновременно терзали печаль и гнев. При таких обстоятельствах можно было не сомневаться в ее словах, но что же они пытались скрыть? В чем была проблема? Что было не так в реальности? Как экс-джанки я знал ответ на это. Часто в реальности много чего идет не так. Да и чья это реальность, если на то пошло?

– Все в порядке, – сказал я.

Она благодарно кивнула и присоединилась к остальным. Мы долго не задерживались. Нам нужно было успеть на паром.

Когда мы приехали в Амстердам, я разыскал Ричарда. Он долго извинялся за то, что втянул меня во все это.

– Я неверно судил о тебе. Крис совершенно слетел с нарезки. Ты был не виноват в его смерти. Жестоко с моей стороны было отправлять тебя туда без объяснений.

– Нет, я заслужил это. Я был последним дерьмом, – грустно сказал я.

Мы выпили несколько бутылок пива, и он рассказал мне историю Крисси. Нервные срывы, решение в корне поменять свою жизнь и пол; она потратила большую часть причитавшихся ей семейных денег на операцию. Начала с ввода женских гормонов – эстрогена и прогестерона. Они помогли росту ее груди, смягчили ее кожу и уменьшили волосяной покров

на теле. Ее мышцы потеряли силу, и распределение подкожного жира изменилось, все более напоминая женскую структуру. Волосы на лице она удалила электролизом. После этого – операция на горле и голосовых связках: в результате у нее исчез кадык и смягчился голос. Курс речевой терапии наладил произношение.

Так она проходила три года перед тем, как приступить к самой радикальной операции, которую надо было выполнять в четыре этапа. Пенэктомия, кастрация, пластическая реконструкция и, наконец, вагинопластика – образование искусственного влагалища из углубления между простатой и прямой кишкой. Влагалище было сделано из тканей, пересаженных с бедра, и покрыто тканями с полового члена и / или мошонки, чтобы, как объяснил Ричард, можно было испытывать оргазм. Формы влагалища достигли при помощи специального слепка, который Крисси пришлось носить в течение нескольких недель после операции.

Все эти хирургические процедуры привели к сильной депрессии, так что Крисси начала принимать большие дозы болеутоляющих, что было не самым лучшим выходом, если учесть ее прошлое. Это увлечение, по признанию Ричарда, и стало главной причиной ее смерти. Он видел, как она выходила из бара рядом с площадью Дам. Она купила барбитураты, приняла их, потом была замечена в нескольких барах рядом с каналом. Это могло быть самоубийством или несчастным случаем. Скорее всего, нечто среднее.

Кристофер и Ричард были любовниками. Он с нежностью говорил о Кристофере, радуясь тому, что теперь может называть его Крисом. Он рассказал про его амбиции, одержимости, мечты; их амбиции, одержимости и мечты. Нередко они подходили близко к тому, чтобы найти свою нишу; в Париже, Лагуна-Бич, Ибице или Гамбурге; они подходили близко, но никогда вплотную. И не как евротреш, а просто как люди, хотевшие нормально пожить.

Стоук-Ньюингтон-блюз

В последний раз я вмазался в туалете на пароме, затем побрел на палубу. Это было потрясающе; брызги в лицо, пронзительный крик чаек, преследующих судно. Волна пролонгированного прихода прокатила по моему телу. В ногах правды нет. Я схватился за поручень и блеванул едкой желчью в Северное море. Какая-то женщина бросила на меня озабоченный взгляд. Я ответил ей благодарной улыбкой.

– Привыкаю к качке! – закричал я и завалился на шезлонг, заказав черный кофе, пить который и не собирался.

С переправой все в порядке. Я смягчился и раздобрел. Просто сидел и молчал, однозначно бессмысленный труп для всех остальных пассажиров, погруженный в многозначительный внутренний диалог с самим собой. Я проигрывал в уме историю настоящего времени, определив себе добродетельную роль, оправдывая мелкие зверства тем, что таким образом наставлял других, внушал им необходимое понимание.

Меня начало ломать в поезде: Гарвич – Колчестер – Маркс-Тей – Келведон – Челмсфорд – Шенфилд ЭТОТ ПОЕЗД НЕ ДОЛЖЕН ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ В ЕБАНОМ ШЕНФИЛДЕ – Ромфорд КАЖДЫЙ ДЮЙМ ПУТИ Я ПОДГОНЯЛ ПОЕЗД СИЛОЙ МЫСЛИ (Что насчет Мэннингтри, куда подевался среди всех этих остановок чертов Мэннингтри?) ДО ЛОНДОНА, вокзал Ливерпуль-стрит. На метро можно попасть куда угодно, кроме Хэрни. Слишком болотистое место. Я сошел на Бетнал-Грин и запрыгнул на 253-й автобус, шедший к Лоуэр-Клэптон-роуд. Прошаркав по Хомертон-роуд, оказался у Кингсמיד-Истейт. Я надеялся, что Донован все еще сквотничает на третьем этаже. А также что он не злится на меня из-за того инцидента в Стокуэлле, все это уже бурьяном поросло, разумеется. Я пропиздовал мимо каких-то злобнорожих-детей-убийц-домашних-животных, малевавших баллончиками на стене стилизованные неразборчивые слоганы. Вчерашний день, гетто-стайл.

– Гляди, куда прешься! Хренов джанки!

Выебать этих детей до того или после того, как убью их?

Впрочем, ничего подобного я не сделал. Слишком поздний час.

Дон по-прежнему здесь. Эта укрепленная дверь. Теперь мне только надо волноваться, дома ли он, и если дома, то пустит меня или нет. Я громко постучал.

– Кто там? – Голос Энджи.

Дон и Эндж. Я не удивлен; всегда думал, что они друг к другу прилепятся.

– Открой, Эндж, твою мать. Это я, Юэн.

Ряд замков отщелкнулся, и на меня уставилась Эндж. Ее острые черты стали от героина еще острее, словно высеченные резцом скульптора. Она дала мне пройти и заперла дверь.

– Дон дома?

– Не, вышел, недавно.

– Есть ширево?

Ее рот дернулся книзу, и она уставилась на меня темными глазами, как кошка смотрит на загнанную в угол мышь. Она размышляла, не соврать ли, но, заметив мое отчаяние, решила не врать.

– Как было в Амстере? – Она играла со мной, корова ебнутая.

– Мне нужна вмазка, Эндж.

Она достала немного стаффа, помогла мне приготовить и пустить по вене. Приход выстрелил сквозь меня, сопровождаемый приливом тошноты. Свистать всех наверх. Я блева-

нул на «Дейли миррор». На первой полосе красовался подмигивающий и высоко поднимающий большие пальцы Пол Гаскойн⁵, в гипсе на растяжке. Номер восьмимесячной давности.

Эндж приготовила вмазку для себя, используя мою машину. Я не слишком обрадовался этому, но протестовать было не с руки. Я глядел на ее холодные рыбы глаза, врезанные в кристаллическую плоть. Об этот ее нос, об эти скулы и подбородок можно искромсаться в куски.

Она села рядом со мной, но уставилась куда-то вперед, вместо того чтобы повернуться ко мне. Медленно, монотонно она затянула нескончаемую бодягу о своей жизни. Я ощущал себя как джанки-священник на исповеди. Она сообщила мне, что ее изнасиловала орава подонков и оттого она чувствовала себя так скверно, что с тех пор села на иглу. Накатило ощущение дежавю. Я был уверен, что она рассказывала мне это раньше.

– Больно, Юэн. Чертовски больно внутри. Стафф – единственная вещь, снимающая боль. И я ничего не могу с этим поделать. Я мертва внутри. Тебе не понять. Ни один мужчина не поймет. Они убили часть меня, Юэн. Лучшую часть. То, что ты видишь здесь, ничтожный призрак. И плевать, что случится с этим долбаным призраком.

Она взяла шприц, втянула чуток крови на контроль и, надавив на поршень, задергалась с довольным видом, пока герыч всасывался в ее клетки.

По крайней мере, приход заткнул ее. Что-то тревожное витало в воздухе, когда она говорила таким беспонтовым образом. Я поглядел на «Миррор». Несколько мух пирило на Газзе.

– Урелы – насильники. Собери команду, они огребут пиздюлей, – решил я вставить хоть что-то.

Она посмотрела на меня, медленно покачала головой и снова отвернулась.

– Нет, так не получится. Завязок у этих чуваков выше крыши. Они все время так с женщинами. Один из них забуривается в клуб и выходит обратно с чиксой. Остальные ждут сна-ружи и просто ебут ее во все дыры столько, сколько хотят.

Мне показалось, я подобрался ближе к пониманию того, какие ощущения должен испытывать человек и что приходит ему на ум, когда десяток урелов на Клэпем-Джанкшн дают прикурить его анальному отверстию.

– Это последняя, – пробормотала она в задумчивом удовлетворении. – Я надеюсь, что Дон принесет немного.

– Тебе и мне, крошка, нам обоим.

Время, казалось, текло бесконечно, прошли часы или минуты, и Дон наконец-то объявился.

– Какого хрена ты здесь делаешь, чувак?

Он упер руки в боки и, выгнув шею, уставился на меня.

– Рад видеть тебя, кореш, и все такое.

Выглядело так, словно Донова кожа обесцветилась от герыча. Майкл Джексон, наверное, заплатил миллионы, чтобы добиться такого же эффекта, какого Дон достиг с джанком. Он напоминал коктейль «Юбилей», из которого высосали весь лед. Пожалуй, и Эндж была в прошлом более розовой. Можно подумать, что, если принимаешь достаточно джанка, ты совершенно теряешь все расовые характеристики. Прочие черты личности на фоне джанка делаются совершенно несущественными.

– Ты пустой?

Его акцент изменился. От высокого пронзительного скулежа Северного Лондона он перешел к насыщенному, густому ямайскому говору.

– Как хуй. Я здесь, чтобы затариться.

⁵ Пол Гаскойн (р. 1967) – английский футболист по прозвищу Газза, один из лидеров сборной в конце 1980-х – середине 1990-х гг.; прославился необузданным нравом.

Дон повернулся к Эндж. Можно было сразу сказать, что он ничего не надывал и собирался развоняться из-за того, что она отдала мне последнюю записку. Как только он заговорил, раздался тяжелый удар в дверь, и хотя она держалась крепко, все же после очередной пары ударов каркас отделился от стены и вся эта штука обрушилась внутрь. В дверном проходе стояли два парня с кувалдами. Вид у них был такой безумный, что я едва не обрадовался, когда группа свиней ворвалась внутрь и обступила нас со всех сторон. Один матерый сержант аж перекосялся от разочарования. Он понимал, что если бы мы были с чем-то, то немедленно помчались бы в сортир сливать продукт, но никто из нас не двинулся с места. Мы были не при товаре. Они ритуально перевернули все вверх дном. Один коп подобрал мою машину и насмешливо взглянул на меня. Я вскинул брови и лениво ему улыбнулся.

– Отправим этот мусор в чертов участок! – заорал он.

Нас выволокли из квартиры, стащили вниз по лестнице и подвели к мясовозке. Раздался громкий хлопок, когда в крышу фургона ударилась бутылка. Он остановился, и пара копов вышли наружу, но им было лениво разыскивать пацанов, которые, наверное, бросили ее с балкона. Копы зажали нас своими тушами и время от времени бормотали мрачные угрозы.

Я поглядел на Дона, сидящего напротив. Машина пронеслась мимо участка на Лоуэр-Клэптон-роуд, затем мимо станции «Долстон». Мы направлялись в Стоук-Ньюингтон. Известный участок. Как и я, наверняка Дон тоже вспоминал судьбу попавшего туда Эрла Бэрратта.

В участке меня попросили вывернуть карманы. Я так и сделал, но уронил связку ключей. Нагнулся, чтобы подобрать их, и мой шарф свесился на пол. Какой-то коп встал на него, и я беспомощно замер, согнувшись вдвое, неспособный даже поднять голову.

– Поднимайся! – зарычал другой.

– Вы стоите на моем шарфе!

– Поднимай свою блядскую тухлую джанковую задницу!

– Я ни хера не могу двинуться, вы стоите на моем шарфе!

– Я сейчас дам тебе ебанный шарф, шотландская гнида!

Он врезал мне в бок ногой или кулаком, и я распластался на полу, сложившись, будто лонгшез. Скорее из-за шока, нежели от силы удара.

– Поднимайся! Поднимайся, твою мать!

Пошатываясь, я встал на ноги, кровь прилила к голове. Меня бросили в комнату для допросов. Мозг заволокло дымкой, когда мне что-то пролаляли. Я с трудом выдавил какие-то невразумительные ответы, и меня отволокли сушиться в обезьянник. Большая комната, вся в белом кафеле, со скамейками по периметру и с кучей матрасов на полу. Обезьянник был переполнен алкашами, мелким жульем и каннабис-дилерами. Я узнал пару черных чуваков из Лайна, на Сэндрингэм-роуд. Я отчаянно пытался не встретиться с ними взглядом. Тамошние дилеры ненавидели героинщиков. Расистские свиньи преследовали их за герыч, тогда как они имели дело только с дурью.

К счастью, они не обратили на меня внимания, потому что два крепко сложенных белых парня, один из них с сильным ирландским акцентом, начали пиздить ногами одноухого трансовестита. Когда они почувствовали, что сделали достаточно, то начали мочиться на лежащую ничком фигуру.

Казалось, я пробыл здесь уже вечность; меня все сильнее начинало ломать, и я все больше и больше впадал в отчаяние. Затем в комнату швырнули Дона, изломанного и избитого. Полицейский, втащивший его в обезьянник, вполне мог заметить, что одноухий парень на полу порядочно измудохан, но лишь презрительно покачал головой и запер дверь. Дон сел рядом со мной на скамейке, спрятав лицо в ладонях. Сначала я заметил кровь на его руках, но потом увидел, что она течет из его носа и довольно сильно распухшего рта. Он, судя по всему, поскользнулся на чем-то и свалился с лестницы. Такое часто случается в полицейском участке в Стоуки с черными парнями. Как с Эрлом Бэрраттом. Дон весь трясся. Я решил заговорить.

– Говорю тебе, чувак, я охуительно разочарован правоохранительной системой этой страны, по крайней мере ее местными представителями, особенно здесь, в Стоуки.

Он повернулся ко мне, во всей красе продемонстрировав, как его запинали. Очень даже нехило.

– Я не выберусь отсюда, мужик, – проговорил он дрожащим голосом, его глаза распирали страх. Он был серьезен. – Ты слышал о Бэрратте. Это место тем и известно. Я неподходящего чертова цвета, особенно для чувака с подсадкой. Живым не выберусь.

Я хотел было его успокоить, но тут оказалось, что он не так далек от истины. К нам подошли три черных парня. Они наблюдали и слушали.

– Хэй, брат, ты болтался с этим отребьем, вот и получил, чего заслуживал, – издевательски заметил один.

Мы нарвались. Чуваки стали базарить о гере и дилерах, подначивая себя, чтобы выплеснуть на нас свою злобу. Избиение белыми одноухого трансвестита бесспорно разожгло их аппетит.

Выручили зашедшие копы. Схватили нас и грубо поволокли из обезьянника, а я подумал: из огня да в полымя. Нас развели по разным допросным комнатам. В моей не оказалось стульев, и я сел на стол. Ждать пришлось очень долго.

Я вскочил, когда вошли две свиньи, нарушив мое одиночество. Они принесли с собой несколько стульев. Свинья с посеребренными сединой волосами, но на удивление свежим лицом сказала мне садиться.

– Кто дает тебе товар? Ну же, джок⁶. Юэн тебя звать, верно? Ты же не дилер. Кто затаривается этим ширевом? – спросил он.

Его глаза переполняли ленивое наигранное сочувствие. Он выглядел как чувак, просекавший фишку.

У НИХ НИХУЯ НА МЕНЯ НЕТ.

Другой коп, коренастый, быковатого вида, темноволосый, с придурковатой короткой стрижкой, раздраженно бросил:

– Да его дружок, мудацкий ниггер. Хренова обезьяна из джунглей, верно, джок? Не молчал бы ты, сынок, а то у нас теперь в соседней комнате объявилась первая в мире черная канарейка, чирикающая на одно слово десять, и тебе, поверь мне, не понравится песенка, которую она поет.

Они дали мне чуток времени на размышление, но не могли достучаться до того места в моей голове, куда я заполз.

Затем один из них выложил на стол пакетик белого порошка. На вид хороший продукт.

– Маленькие дети в школе ширяются этим. Кто толкает им товар, Юэн? – спросил мальчик Серебряной Мечты.

У НИХ НИХУЯ НА МЕНЯ НЕТ.

– Я просто употребляю иногда. Да и нет столько лавэ барыжить, и мне плевать, какие козлы этим занимаются.

– Черт возьми, я вижу, нам следует пригласить сюда переводчика. Какой-нибудь дежурящий сегодня вечером хрен говорит по-шотландски? – воскликнул темноволосый мудака.

Тормоз Серебряной Мечты проигнорировал его. Брюнет продолжил:

– Вы все, чертовы долбоебы, гоните одно и то же фуфло. Вы все, блядь, употребляете, так? Никто не продает. Он просто растет на деревьях, да?

– Не, на полях, – сказал я, немедленно об этом пожалев.

– Что ты, твою мать, сказал? – Он поднялся, стукнув кулаком по столу так, что костяшки побелели.

⁶ Джок – жаргонное название шотландца.

– Маковые поля. Опиум. Растет на полях, – промямлил я.

Его рука обхватила мою шею и стиснула ее. Он продолжал давить. Такое впечатление, словно я наблюдал со стороны, как душат кого-то другого. Я вцепился обеими руками в его руку, но не смог ослабить хватку. Это сделал Серебряный.

– Оставь, Джордж. Достаточно. Отдышись, сынок.

В моей голове беспощадно стучало от прилива крови, и я чувствовал себя так, будто мои легкие никогда снова не заполнятся до полного объема.

– Мы знаем расклад, сынок, мы приготовили тебе на подпись показания. Не хочу, чтобы ты подписывал что-то, о чем будешь потом сожалеть. Даем тебе время. Взгляни на них. Прочитай. Усвой. Как я сказал, даем тебе время. Все, что ты хочешь изменить, мы можем изменить, – вкрадчиво втюхивал он мне.

Темноволосый убрал из голоса враждебность.

– Сдай нам ниггера, сынок, и можешь уйти отсюда с этим. Лучший фармацевтический продукт, а, Фред? – Он дразняще помахал передо мной герычем.

– Так они сказали мне, Джордж. Давай, Юэн, приди в себя, расслабься. Ты кажешься достаточно приличным типом, забей на все это. Считай, что тебе крупно повезло, рыжий, выше головы не прыгнешь.

– Шотландцы, англичане, никакой разницы, верно? Мы все белые люди. Париться в тюрьме из-за какого-то чертова Конго? Пораскинь мозгами, джок. Еще один долбаный цветной говнюк сядет, кто он для тебя, а? В них уж точно нехватки не будет, как думаешь?

Мусора. Козлы в белых рубашках. Они упрятали Дрю из Монктонхолла в Оргрив за забастовку 84-го. Теперь они хотят Донована. Не тот цвет кожи. Они представили его начальству как Крупную Шишку. Эти показания читались как Агата Кристи. Дон и я однажды схлестнулись, но он был свой. На самом деле он был мне больше братом, чем какая-нибудь родня. Но что он рассказал обо мне? Солидарность в отказе или же он сдал меня с потрохами? Эти паскудные показания читались как Агата Кристи. Что насчет Эндж? Она, наверное, сдала всех, лишь бы спасти свою шкуру. Меня начало ломать, стало по-настоящему херово. Если я подпишу, то получу ширево. Смогу вмазаться. Рассказать газетам историю о том, как из меня выбили эти показания. У НИХ НИХУЯ НА МЕНЯ НЕТ. Ломка. Отрава. Дон. НЕ ПОДДАВАЙСЯ ломка герыч ДАЙТЕ МНЕ ЧЕРТОВУ РУЧКУ, они упрячут Дона, упрячут его за всю эту Агату Ебаную Кристи ДАЙТЕ МНЕ ЧЕРТОВУ РУЧКУ.

– Дайте мне ручку.

– Знал, что у тебя есть мозги, джок.

Я сунул пакетик порошка, мои тридцать сребреников, в задний карман. Они порвали полицейский протокол. Я был свободен. Когда вышел в приемную, увидел сидевшую там Эндж. Значит, тоже продалась. Она горько взглянула на меня.

– Ладно, вы двое, – сказал дежурный коп. – Свободны, и держитесь подальше от неприятностей.

Два копа, допрашивавшие меня, стояли рядом с ним. Я обрадовался возможности уйти. Эндж была так нетерпелива, что бросилась к стеклянной двери, не дослушав, как коп говорит, мол, осторожно, дверь. С громким треском Эндж впечаталась в стекло лбом и отлетела назад, качаясь на пятках, словно мультяшка. Я нервно засмеялся, присоединившись к гоготу копов.

– Глупая пизданутая шлюха, – презрительно ухмыльнулся темноволосый.

Эндж пребывала в прострации, когда я вывел ее на воздух. Слезы струились по ее лицу, на лбу набухла шишка.

– Ты заложил его, твою мать, да? ЗАЛОЖИЛ, ДА?

Макияж потек. Она выглядела как Элис Купер.

Хреновая из нее актриса.

– А ты нет, что ли?

Молчание было красноречивым, затем она призналась утомленным голосом:

– Ну да, пришлось, чтобы самой не загреметь, а? Я просто должна была выбраться оттуда. Мне было по-настоящему хреново.

– Понимаю, о чем ты, – кивнул я. – Разберемся со всем этим позже. Повидаем адвоката. Расскажем чуваку, что мы дали показания под давлением. Дон выйдет на волю, смеясь. Может, и компенсацию получит. Давай поставимся, ну а потом слезем с иглы и повидаем адвоката. Несколько дней в КПЗ – это Дону даже полезно. Чтобы переломаться. Он, черт возьми, отблагодарит нас за это!

Я понимал, что все это вилами на воде писано. Сам-то слинял; оставил товарища на произвол судьбы. Просто я чувствовал себя лучше, прокручивая этот сценарий.

– Да, пусть слезет с иглы, – согласилась Эндж.

Перед участком стояла группа демонстрантов. Как будто устроили тут круглосуточный пикет. Они протестовали против жестокого обращения с молодыми черными, особенно насчет Эрла Бэрратта, чувака, угодившего в Стоуки, свалившегося однажды ночью с лестницы и вышедшего обратно в полиэтиленовом мешке. Ступеньки там скользкие, как сволочь.

Я узнал чувака из черной прессы, из «Войса», и направился прямо к нему.

– Послушай, приятель, они забрали одного черного парня. Здорово уделали его. Заставили нас подписать на него показания.

– Как его зовут? – спросил чувак. Роскошный афроанглийский говор.

– Донован Прескотт.

– Из Кингсмида? Героинщик?

Я стоял, глядя на него, и его лицо посуровело.

– Он не сделал ничего плохого, – взмолилась Эндж.

Я ткнул в него пальцем, проецируя мой гнев на него.

– Напечатай, ёпта, или будь проклят, ты, козел! Какая разница, кто он такой, у него не меньше прав, чем у любого другого бедолаги!

– Как твое имя, мужик? – спросил репортер.

– А это тут при чем?

– Зайдем в офис. Сфотографируем тебя, – улыбнулся афро.

Он знал, что это было без мазы. Ничего никому я тогда не скажу, а то полиция с меня живым не слезет.

– Да делай что хочешь, твою мать, – сказал я, поворачиваясь.

Крупная женщина подошла ко мне и стала кричать:

– Они держат там хороших христианских мальчиков. Лероя Дюкейна и Орита Кэмпбелла. Мальчиков, не сделавших ничего плохого. Именно об этих мальчиках мы здесь говорим, а не о каком-то грязном наркотическом дьяволе.

Высокий раста в ленноновских очечках угрожающе поднял плакат прямо перед моим носом. На нем было написано:

РУКИ ПРОЧЬ ОТ ЧЕРНОЙ МОЛОДЕЖИ!

Я повернулся к Эндж и потащил ее, дрожа, подальше от этой заварухи, и несколько ругательств и угроз, выкрикнутых нам вслед, звенело в моих ушах. Я думал, что за нами идут. Мы шли в молчании и не проронили ни слова, пока не дошли до станции «Долстон-Кингсленд». Параноидальный Город.

– Куда ты? – спросила Эндж.

– На электричку по Северной линии к старому корешу Элби в Кентиш-Таун. Поставлюсь свинским ширевом, оклемаюсь, затем двинусь в Шепердс-Буш. Там цивилизованнее, понимаешь? Я по горло сыт Хэрни, это даже хуже, чем возвращаться обратно на дорогу. Долбаное

захолустье. Слишком много шумных лицемерных скотов. Изоляция, вот в чем проблема. На отшибе от города, без метро-то. Захолустье, как оно есть.

Я занимался пустословием. Нес окоlesiцу на ломке.

– Я с тобой. Квартира накрылась, небось всё уже пожгли. Дверь-то свиньи не починили, им насрать.

Я не хотел тащить с собой на буксире Эндж; у нее был вирус неудачницы, по-настоящему хуевый. Неудача обычно передается от близкого соседства привычных страдальцев. Тем не менее я немного мог сделать или сказать, когда подошел поезд и мы сели друг напротив друга в подавленном, болезненном молчании.

Поезд тронулся, и я украдкой на нее покосился. Надеюсь, она не ожидает, что я буду с ней спать. Сейчас мне не до секса. Может быть, Элби впишется, если она захочет. Мысль неприятная, но только потому, что все мысли на посторонние темы меня раздражали. «Ну да все равно скоро я буду свободен, свободен от всей этой достачи», – думал я, нащупывая пакетик в кармане штанов.

Чан-96⁷

Фиона неприлично долго доставала Валери приглашениями поужинать у них с Китом. Мы пропускали ее настойчивые просьбы мимо ушей, но в конце концов стало неловко постоянно извиняться и показалось, что лучше однажды вечером действительно взять и прийти.

Мы застали Фиону в чрезвычайно приподнятом настроении. Ее повысили в должности, а работала она в корпоративной страховой компании, продававшей полисы бизнесменам. Успех продаж на этом уровне на девяносто процентов зависит от искусства общения с клиентом, что, в свою очередь, как скажет вам любой откровенный пиарщик, складывается из девяноста пяти процентов радушия и только пяти – информации. Проблема у Фионы была в том, что она, как и многие одержимые карьерой люди, не могла отключиться от своей профессиональной роли и потому становилась невыносимо занудной.

– Заходите! Рада вас видеть! Господи! Чудесное платье, Вэл! Где ты его купила? Кроуфорд, ты прибавил в весе. Хотя тебе идет. Он качается, Вэл? Ты качаешься, Кроуфорд? Вы оба великолепно выглядите! Я пойду принесу чего-нибудь выпить. Водка с тоником для тебя, Вэл. Присаживайтесь, присаживайтесь, хочу услышать обо всех ваших приключениях, обо всем, господа, да мне тоже есть что рассказать... Тебе, наверное, «Джек Дэниелс», Кроуфорд?

– Э-э, лучше бы просто банку пива.

– Ах, пиво... Ох, прости. Боже. У нас кончилось пиво. О господи! Кроуфорд и его пиво!

После всей этой суеты она непременно заклемит мою просьбу о пиве как смертный грех. Скрепя сердце, я согласился на «Джек Дэниелс», который она купила специально для меня.

– Ах, Вэл, боже, я должна рассказать тебе о потрясающем парне, которого недавно встретила, – начала Фиона, не замечая нашего удивления и дискомфорта.

Нам не пришлось прямо спросить: «Где Кит?» – но выражение наших глаз сказало все за нас.

– Ох, даже не знаю, с чего начать. Боюсь, на Китовом фронте довольно плохие новости.

Она пересекла просторную гостиную и откинула покрывало с аквариума, стоявшего у стены. Включила лампу сбоку от него и позвала:

– Проснись, проснись, здесь Валери и Кроуфорд!

Сначала я подумал, что в аквариуме рыбки и что Кит просто сделал ноги, а потрясенная Фиона решила перенести свою эмоциональную привязанность на домашних животных в форме каких-то тропических тварей. Задним числом я понимаю, что мысль была идиотская. Какая, нахер, привязанность?

Потом я заметил в аквариуме голову. Человеческую голову, отделенную от тела. Более того, эта голова казалась живой. Я подошел ближе. Глаза двигались. Волосы шевелились, как у горгоны Медузы, невесомо колыхаясь в маслянистой жидкости желтоватого цвета. Всякие трубочки, трубки и провода, прикрепленные главным образом к шее, торчали в разные стороны. Под аквариумом была панель управления с различными переключателями, лампочками и циферблатами.

– Кит... – заикаясь, пробормотал я.

Голова подмигнула мне.

– Не ждите слишком многого в плане общения, – сказала Фиона, взглянув на аквариум. – Бедняжка. Он не может говорить. Нет легких, видите ли.

Она поцеловала аквариум, затем вытерла оставленный помадой след.

– Что с ним случилось? – Валери переминалась с ноги на ногу.

⁷ Аллюзия на виски-бленд *Vat 69* (по-английски «vat» – «чан»).

– Это устройство поддерживает в нем жизнь. Замечательно, правда? Оно стоило нам четыреста тридцать две тысячи фунтов. – Она огласила цифру медленно, с заговорщицкой осторожностью и наигранным ужасом. – Знаю-знаю, – продолжила она, – вы спросите, как мы смогли себе такое позволить.

– На самом деле, – холодно прервал я ее, – мы хотим знать, что произошло с Китом.

– Ах, боже, конечно, простите! Вы, должно быть, потрясены до глубины души. Кит несся по эм-двадцать пять к Гилдфорду, когда «порше» потерял управление. Шина лопнула. Судя по всему, машина перелетела два ряда, потом через разделитель и выскочила прямо на встречную полосу. Лобовое столкновение с огромным грузовиком; «порше» раздавило просто всмятку, и, как вы понимаете, Кит был почти мертв, даже, можно сказать, и не почти. Бедный Кит. – Она снова взглянула на аквариум, впервые на наших глазах немного погрузнев и помрачнев. – Один врач из медицинской исследовательской компании сказал мне так: «В общепринятом смысле слова ваш муж мертв. Его тело раздроблено на кусочки. Большинство главных органов ни к чему не пригодно. Однако голова и мозг остались неповрежденными. У нас есть новый аппарат, спроектированный в Германии и впервые опробованный в США. С вашего согласия мы можем его предоставить для поддержания в Ките жизни. Это очень дорого, но мы можем заключить соглашение на сумму его страховки, поскольку он технически мертв. Это сложный вопрос, – говорил врач, – и мы оставим этическую его сторону философам. В конце концов, мы и платим налоги для того, чтобы философы могли сидеть и размышлять в своих башнях из слоновой кости». Вот так он сказал. Мне понравилась эта его последняя мысль. В любом случае он заверил меня, что, хотя их юристам надо оформить кучу документов, чтобы расставить все точки над «i», они уверены, по его словам, в конечном результате. «Вы согласны?» – спросил он. Ну и что, боже мой, я могла ответить?

Я посмотрел на Вэл, затем на Кита. Сказать было нечего. Возможно, в один прекрасный день с нынешними успехами медицинской науки врачи найдут тело с безнадежно поврежденной головой и смогут произвести трансплантацию. В таких телах не будет недостатка; я подумал о самых разных политиках. Вероятно, ради поиска здорового тела, к которому можно приставить голову, и был затеян этот жуткий эксперимент. Впрочем, да ну их всех; меньше знаешь – крепче спишь.

Мы сели за стол. Возможно, Фиона и скажет, что вечер удался – как запланированное рабочее задание или проект, который нужно непременно выполнить. За вычетом пары незначительных промахов, например, когда я отказался от бокала вина.

– Я за рулем, Фиона. Мне хватит...

Я поглядел на то, что осталось от Кита в аквариуме, и беззвучно пробормотал извинение. Его глаза моргнули.

Пока Фиона суетливо бегала на кухню и обратно, Валери тщетно уговаривала ее сесть и расслабиться. Она чуть было не брякнула, что Фиона мечется как безголовая курица, но вовремя спохватилась и заменила курицу порхающим мотыльком.

Тем не менее вечер не был столь уж мучительным, и ужин оказался вполне съедобным. Мы еще немного поболтали. Когда мы собрались уходить, я неловко и довольно смущенно вскинул, глядя на Кита, два больших пальца вверх. Он снова подмигнул.

Валери прошептала Фионе в коридоре:

– Ты только одного нам не сказала – кто же этот потрясающий новый парень?

– Ах, боже... так странно, как все происходит. Да тот врач из медицинской компании, предложивший подключить Кита к аппарату. Боже, Вэл, он настоящий мачо. На днях он схватил меня, швырнул на диван и трахнул не сходя с места... – Она зажала рот ладонью и взглянула на меня. – О боже! Я ведь не смутила тебя, Кроуфорд?

– Да, – неубедительно соврал я.

– Чудесно! – весело воскликнула она, снова втаскивая нас в комнату. – Напоследок мне нужен ваш совет: как по-вашему, может, Кит будет лучше смотреться на другом конце комнаты рядом с CD-проигрывателем?

Вэл бросила на меня нервный взгляд.

– Да, – сказал я, заметив, что диван стоит прямо напротив аквариума Кита. – Думаю, так определенно будет лучше⁸.

⁸ Рассказ Уэлша представляет собой вариацию на тему рассказа Роальда Даля «Уильям и Мэри» (1959).

Рохля

С Катрионой какое-то время было хорошо, но она мне изменила. И это нелегко было выкинуть из головы и забыть; так просто не получалось. В один прекрасный день она опять возникла – зашла в паб, где я играл на одноруком бандите. Впервые за долгое время я столкнулся с ней.

– По-прежнему дергаешь рычаг, Джон, – сказала она этим своим надменным, гнусавым голосом.

Я собирался сказать что-то типа: «Нет, блин, в бассейне плаваю», – но лишь выдавил:

– Да, похоже на то.

– У тебя не найдется денег – угостить меня выпивкой, Джон? – спросила она.

Катриона выглядела обрюзгшей, более обрюзгшей, чем когда-либо. Может, снова забеременела. Ей нравилось быть в центре внимания, нравилась та суматоха, которую поднимали вокруг нее люди. На своих детей у нее времени не было, а вот постоянно выпендриваться в пабах – так пожалуйста. Дело в том, что с каждой ее беременностью люди обращали на нее все меньше внимания. Это уже приелось, и, кроме того, они поняли, что она за штучка.

– Ты снова вернулась в семью? – спросил я, осторожно подталкивая «бандита» коленом. Еще бы одну кисть винограда. И все будет в ажуре.

Есть контакт.

Нажать «коллект».

И снова «коллект».

Жетоны. Всегда чертовы жетоны. Я надеялся, ведь Колин говорил мне, что новая машина платит наличными.

– Неужели это так заметно, Джонни? – отозвалась она, приподнимая свою поношенную блузу и натягивая колготки на выпирающий живот.

Я тогда подумал о ее сиськах и жопе. Я не глядел на них, типа, не пялился, ничего такого; просто думал о них. У Катрионы были потрясные сиськи и офигенная большая жопа. Вот что мне нравится в чиксе. Сиськи и жопа.

– Я занимал стол, – сказал я, отходя от нее к пулу.

Парень из булочной Крофорда обставил Бри Рэмэджа по всем статьям. Должно быть, неплохой игрок. Я вынул шары и поставил в треугольник. Вроде бы ничего такой парнишка из Крофорда.

– Как Шантель? – не унималась Катриона.

– В порядке, – сказал я.

Ей следовало бы как-нибудь зайти к моей маме и повидать ребенка. Не то чтобы все ждали с нетерпением по понятным причинам. И все же это ее ребенок, а это что-то значит. Нормальный человек непременно зашел бы. Это мой ребенок и все такое, я люблю этого ребенка. Все это знают. И тем не менее мать, которая бросает своего ребенка, которая не заботится о своем ребенке, – это не мать, не настоящая мать. Как по мне. Это чертова шлюха, блядь, вот что она такое. Вульгарная личность, как говорит моя мама.

Интересно, чьего ребенка она теперь носит. Наверное, Ларри. Я так надеюсь. Пусть это послужит обоим гадам уроком. А вот ребенка их мне все-таки жаль. Она бросит его, как бросила Шантель; как оставила двух других своих детей. Я и не подозревал об их существовании, пока не увидел их на нашей свадьбе.

Да, моя мама оказалась права насчет нее. «Она вульгарная», – говорила мама. И не просто потому, что она была из Дойлов. Она любила выпить: «Это не подобает девушке», – считала мама. Поймите, мне это нравилось. То есть сначала нравилось, пока не обрыдло, да еще и

башлей из-за этого становилось все меньше и меньше. А ведь вкалывал-то я. Затем появился ребенок. Тогда ее пьянство меня совсем достало, просто вконец.

Она всегда надо мной потешалась у меня за спиной. Краем глаза я замечал ее ехидную усмешку, когда она думала, что я не смотрю. Обычно это происходило, когда она была со своими сестрами. Они втроем ржали, пока я играл на «бандите» или катал шары. Я чувствовал на себе их взгляд. Через какое-то время они перестали даже притворяться.

Я плохо справлялся с ребенком, в смысле, когда он был совсем еще маленьким. Казалось, это заполонило собой все; такой шум – и от такого крошечного тельца. Ну и, наверно, я слишком часто выходил в город, когда появился ребенок. Так что, может, вина отчасти и на мне, отпираться не буду. И тем не менее она продолжала устраивать разные выкрутасы. Как в тот раз, когда я дал ей деньги.

Она была на мели, так что я дал ей двадцатку и сказал: «Ты выйди, крошка, развлекись. Прогуляйся с подругами». Хорошо помню тот вечер, потому что она взяла и вырядилась, как уличная девка. Тонны косметики, да еще блядское платье нацепила. Я спросил ее, куда это она собралась в таком прикиде. Она стояла и лыбилась. «Куда?» – повторил я. «Ты хотел, чтобы я вышла развлечься, вот я и пошла, твою мать, развлекаться», – заявила она. «Куда? – опять я за свое. – Я имею право знать». Она расхохоталась мне в лицо, как ебнутая гиена, и хлопнула дверью.

Потом она вернулась, и ее шея была вся в засосах. Я проверил ее сумочку, когда она надолго заперлась отливать в туалете. Там оказался сороковник. Я дал ей двадцатку, а она вернулась с сорока чертовыми фунтами в сумочке. Я чуть с ума не сошел. Я было начал: «Что это такое, а?» А она просто смеялась мне в лицо. Я хотел было пощупать ее пизду – может, пойму, трахалась или как. Она начала вопить и сказала, что, если я ее только трону, ее братья наваяют мне по полной программе. Они психопаты, эти Дойлы, каждый чувак в округе знает это. Я, конечно, сумасшедший, по правде говоря, что вообще связался с Дойлами. «Ты – рохля, сынок, – сказала однажды моя мама. – Все они сразу это видят. Они знают, что ты работяга, знают, что ты для них легкая добыча».

И вот что смешно: Дойлы могли делать что хотят, и я думал, что за их широкой спиной тоже смогу делать что хочу. И какое-то время так оно и было. Ни один козел ко мне не цеплялся, я был здорово прикрыт. Затем с их стороны началась халява; у меня стреляли сигареты, выпивку, мелочь. И затем они поймали меня, то есть поймал этот мудака, Алек Дойл: заставил меня приглядывать за своим товаром. Наркотики. Не гаш или еще какая фигня, бери выше; речь о героине. Я мог угодить в тюрьму. Застрять там черт знает на сколько лет. И все из-за Дойлов и их шлюхи-сестры. В любом случае я развязался с Дойлами раз и навсегда. Все кончено. И я тем вечером не коснулся Катрионы, и мы спали в разных комнатах; я, типа, на диване.

Это случилось сразу после того, как я скорешился с Ларри, соседом сверху. Его жена только что ушла от него, и он жил один. Для меня это было как страховка; Ларри был без тормозов, один из немногих чуваков в округе, которым даже Дойлы выказывали немного уважения.

Я работал по государственной учебной программе занятости. Маляром. Красил в домах престарелых. Большую часть времени я проводил на улице. Дело в том, что когда я возвращался домой, то либо заставал Ларри в нашей квартире, либо ее у него. Все время оба податые, мать их. Я знал, что он ее трахает. Потом она стала висеть там вечерами. И вскоре перебралась наверх к нему окончательно, оставив меня внизу с ребенком. Ну и мне пришлось уйти с работы; ради ребенка, понимаете?

Когда я брал Шантель к моей маме или отправлялся с ней в детской коляске по магазинам, то иногда видел их обоих у окна. Они смеялись надо мной. Однажды днем я вернулся домой и обнаружил, что дверь взломана. Унесли телевизор и видак. Я понимал, кто их взял, но ничего не мог поделать. Ничего против Ларри и Дойлов.

Мы с ребенком вечно просыпались по ночам от шума в их квартире. Она не давала спать собственному ребенку. И мы были вынуждены слушать, как они там трахаются, ругаются, устраивают вечеринки.

Потом однажды раздался стук в дверь. Это был Ларри. Он просто взял и протиснулся мимо меня в квартиру, скороговоркой неся свою обычную околесицу.

– Ладно, приятель, – сказал он. – Послушай, мне нужно небольшое одолжение. Чертовы козлы-электрики только что ушли и отключили нас, вот так.

Он подошел к моему окну, выходящему на улицу, открыл его, и, втянув внутрь штепсельную вилку, свисавшую сверху из окна его гостиной, воткнул в одну из моих розеток.

– Всего и делов-то, – улыбнулся он.

– Да, – только и смог я сказать.

Он сообщил мне, что достал кабель удлинителя с блоком, но ему просто требуется доступ к источнику питания. Я сказал, что он совсем зарвался, собираясь использовать мое электричество, и двинулся, чтобы отключить его.

– Если увижу, что ты когда-нибудь тронешь этот чертов штепсель или этот выключатель, то ты мертв, твою мать, Джонни! – заорал он. – Это я тебе говорю, блядь! – Он говорил на полном серьезе и все такое.

Ларри затем начал втюхивать мне, что по-прежнему считает нас друзьями, несмотря ни на что. Сказал, что мы будем делить счета пополам. Впрочем, я уже тогда был уверен, что этого не произойдет. Я ответил, дескать, его счета будут больше, чем мои, потому что у меня ничего не осталось в доме, что требует электричества. Я думал о моем видеке и телевизоре, которые, как я был уверен, он забрал наверх.

– И что бы это означало, Джонни? – спросил он.

– Ничего, – просто ответил я.

– Вот лучше ничего и не говори, твою мать, – сказал он.

Я сказал «ничего», потому что Ларри сумасшедший; абсолютный психопат.

Затем его лицо изменилось и он, типа, расплылся в широкой улыбке. Он кивнул на потолок:

– А она не так уж плохо ебется, а, Джон? Извини, что вклинился между вами, приятель. Ну да бывает, дело житейское? – (Я кивнул.) – Делает клевый минет, – продолжил он.

Я чувствовал себя как говно. Мое электричество. Моя женщина.

– Когда-нибудь трахал ее в жопу? – спросил он.

Я пожал плечами. Он скрестил руки на груди.

– Я стал намекать ей, что так будет лучше, – сказал он, – просто потому, что не хочу, чтобы она забеременела. Ребенок там, лишний рот. А раз чувиха забеременела, она будет думать, что может запускать руку в твой карман всю оставшуюся жизнь. Твои башли уже не твои собственные. Это, блядь, меня совершенно не устраивает, должен сказать тебе. Я сохранию мои деньги. И скажу тебе еще одну вещь, – засмеялся он. – Я надеюсь, что у тебя нет СПИДа или чего-то такого, потому что, если есть, ты и меня теперь заразил. Я никогда не использую гондон, когда протягиваю ее там наверху. Никогда. Лучше стану чертовым дровичом.

– Нет у меня никакого СПИДа, – сказал я, впервые в жизни об этом пожалев.

– Никогда бы не подумал, грязная ты скотинка! – засмеялся Ларри.

Затем он потянулся в детский манеж и погладил Шантель по голове. Я почувствовал резкую боль. Если он попытается коснуться этого ребенка снова – зарежу козла; и пофиг, кто он такой. Мне уже наплевать.

– Все в порядке, – заговорил он. – Я не собираюсь забирать твоего ребенка. Она хочет этого, врубись, и я считаю, что, вообще-то, ребенок должен оставаться со своей матерью. Дело в том, Джон, как я сказал, мне ребенок в доме не нужен. Так что ты должен благодарить меня за то, что он все еще остается у тебя, подумай об этом на досуге. – Он внезапно стал угрюмый

и злой и предостерегающе ткнул в меня пальцем: – Подумай об этом, прежде чем начнешь обвинять других людей во всех смертных грехах. – И ту же снова заговорил радостно; эта скотина могла запросто менять голос как перчатки. – Видел этот расклад на четвертьфиналы? Кто победит в паре Сент-Джонстон – Килмарнок? На «Истер-роуд», типа, – улыбнулся он мне, затем окинул взглядом всю комнату. – Чертова дыра, – прошипел он и двинулся к выходу. На пороге Ларри остановился и повернулся ко мне. – Еще одна вещь, Джон, если ты захочешь снова вставить ей, – он указал на потолок, – то просто крикни. С тебя десятка, и полный вперед, типа.

Я не на шутку застремался и сразу же после этого отвез ребенка к моей маме. И вот как получилось: мама пошла в социальную службу и уладила там все дела с пособием на ребенка. Они пошли к ней качать права, и она дала им от ворот поворот. Меня за это избили, Алек и Мики Дойл. А потом Ларри и Мики Дойл измудохали меня еще раз, когда мне отключили электричество. Они схватили меня на лестнице – дернули сзади, опрокинули и начали избивать. Я боялся, что они найдут деньги, которые я выиграл на «бандите», – вдруг залезут ко мне в карманы и найдут. Пятнадцать фунтов. Но они меня просто пинали. Пинали, а она вопила:

– БЕЙТЕ ЭТОГО КОЗЛА! УБЕЙТЕ ЕГО! НАШЕ ДОЛБАННОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО! ЭТО БЫЛО НАШЕ ДОЛБАННОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО! ОН ЗАБРАЛ МОЕГО РЕБЕНКА, МАТЬ ЕГО! ЕГО СТАРАЯ ШЛЮХА-МАТЬ ЗАБРАЛА, БЛЯДЬ, МОЕГО РЕБЕНКА! ВОЗВРАЩАЙСЯ К СВОЕЙ ЧЕРТОВОЙ МАМОЧКЕ! ВЫЛИЖИ ЕЙ ВСЕ ПОД ЮБКОЙ, МУДАК!

Спасибо, что они бросили меня, так и не проверив карманов. Ладно, думаю, на этот раз им в любом случае ничего не достанется. Я доковылял до мамы, чтобы привести себя в порядок. У меня был сломан нос и треснуло два ребра. Пришлось идти в травму. Мама сказала, что не надо было связываться с Катрионой Дойл.

– Теперь об этом легко говорить, – сказал я ей. – Но посмотри, если бы я с ней не связался, скажем так, просто предположим, что не связался бы, тогда б у нас не было Шантель. Можно ведь и так посмотреть.

– Можно и так, – сказала мама. – Шантель – наша маленькая принцесса.

А потом какой-то идиот из нашего дома вызвал полицию. Я было подумал, что за травмы от разбойного нападения мне полагается компенсация, и выдал ложное описание двух чуваков, совсем не похожих на Ларри и Мики. Но затем в полиции заговорили так, словно они думали, что это я преступник и устроил эту разборку. Это я-то, с лицом, как гнилой фрукт, двумя треснутыми ребрами и сломанным носом.

Она и Ларри вскоре после этого съехали отсюда, и я подумал: отлично, катитесь колбаской. Думаю, муниципалитет выселил их за неуплату, переселил в другой район. Ребенку было лучше с моей мамой, и я получил работу, довольно пристойную, и не просто по какой-то учебной программе занятости. В супермаркете: складывать полки и проверять ассортимент товаров, такого рода дело. Неплохо устроился – куча сверхурочных. Денег, конечно, не фонтан, зато в паб ходил нечасто – пропадал на работе допоздна.

Дела обстояли хорошо. Вскоре я уже трахал несколько чикс. Одну девушку из супермаркета – она была замужем, но с чуваком уже не жила. Она в порядке, чистая чикса и все такое. Были еще мелкие поблядушки с района, некоторые только школу окончили. Парочка приходила в обеденное время, если я вкалывал на второй смене. Раз тебе довелось отыметь одну из них, то тебе уже дают все. Они все сюда приходят просто потрахаться, потому что, кроме этого, им нечем заняться. Можно было потискать их или получить минет. Как я сказал, одна или две, особенно та маленькая Венди, для них ебля – это игра. И ни в коем случае я не хотел никаких серьезных отношений, а так, слегка позабавиться.

Что до Катрионы, то, как уже говорил, я встретил ее впервые за долгое время.

– Как Ларри? – спросил я и наклонился, приглядываясь, как бы достать частично блокированный шар.

Один косоглазый чувак сказал, что прямой не идет. Парень из булочной Крофорда начал орать:

– Эй, ты! Адмирал Нельсон хренов! Пусть играет без подсказок! Никаких советов со стороны!

– Ах, он... – отозвалась она, когда я ударом сбоку выбил шар и рикошетом о борт закатил в лузу. – Он снова угодил за решетку. А я вернулась к моей маме.

Я просто взглянул на нее.

– Он обнаружил, что я беременна, и съебался, – продолжала она. – Зависал с какой-то ебаной шлюхой.

Да уж не сомневаюсь, хотел было я выкрикнуть ей прямо в лицо, но промолчал.

И тут ее голос кокетливо зазвучал на высоких тонах, как было всегда, когда она чего-то хочет.

– Почему бы нам не выпить сегодня вечером, Джонни? За все, что было, типа? Мы же были такой хорошей парой, Джонни, ты и я. Все так говорили, помнишь? А помнишь, Джонни, как мы раньше ходили в «Бык и куст» на Лотиан-роуд?

– Да, почему бы и нет, – сказал я.

Дело в том, что я, по-моему, все еще любил ее и, видать, никогда по-настоящему не переставал любить. Да и «Бык и куст» мне нравился. Мне всегда там немного везло с «бандитом». Может, «бандита» уже и нового поставили, но все-таки.

Последний отдых на Адриатике

Никогда не предполагал даже в страшном сне, что все будет настолько очевидно; и поэтому то, что я запланировал, кажется совершенно правильным. Я имею в виду, что почти ожидал увидеть Джоан на борту, столкнуться с ней на палубе, в столовой, в баре или даже в казино. Когда я начинал так думать о ней, мое сердце учащенно билось, голова шла кругом и я обыкновенно убирался в свою каюту. Поворачивая ключ, даже рассчитывал застать ее там, возможно, в постели, читающей книгу. Нелепо, знаю, вся эта ситуация просто смехотворна.

Я пробыл на этом лайнере уже две недели; две недели в полном одиночестве. И если бы вы чувствовали себя так, как я, то вид веселящихся людей и вам бы казался отвратительным и оскорбительным. Я только и делал, что бродил по кораблю, как если бы искал что-то. Бродил и качался в спортзале, конечно. Разумеется, нечего было и думать о том, чтобы увидеть здесь Джоан. И все же я не мог успокоиться. Не мог лежать на палубе с Гарольдом Роббинсом, или Диком Френсисом, или Десмондом Бэгли. Не мог сидеть в баре и напиваться. Не мог участвовать в любой из этих тривиальных скучных бесед о погоде или о нашем маршруте. Я ушел с двух фильмов в кинотеатре. «Умереть заново», с этим британским педиком, играющим американского детектива⁹. Ужасный фильм. И еще один с этим американским светловолосым актером, который раньше был смешной, но теперь уже нет. Наверное, все дело во мне: множество вещей больше не выглядят смешными.

Я пошел в мою каюту и приготовил спортивную сумку для очередной экскурсии в спортзал. Единственное пристойное место, хоть чем-то мне интересное.

– Вы, должно быть, самый накачанный человек на этом корабле, – сказал мне тренер.

Я лишь улыбнулся. Не хотелось вступать в беседу с этим парнем. Он странноватый, если понимаете, о чем я. Ничего сам против них не имею, живи и дай жить другим и все такое, но прямо сейчас я не хотел ни с кем разговаривать, особенно с каким-то чертовым педерастом.

– Да вы просто не вылезаете отсюда, – настойчиво продолжал он, слегка кивнув толстому, жалкому, непрезентабельному краснолицему мужичку на тренировочном велосипеде, – правда, мистер Бэнкс?

– Отличное оборудование, – резко ответил я, осматривая свободные веса и поднимая две гантели со сменными грузами.

Слава богу, паренек-тренер заметил даму с избыточным весом в ярко-красном трико, пытавшуюся делать подъемы из положения сидя.

– Нет-нет-нет, мисс Кокстон! Не так! Вы слишком напрягаете спину. Сядьте прямо и согните колени. Под сорок пять градусов. Отлично. И раз... и два...

Взяв пару гантельных дисков, я тайком сунул их в мою спортивную сумку. Я перестал много двигаться, но мне не нужны упражнения. Я достаточно хорошо сложен. Джоан всегда утверждала, что у меня хорошее тело; жилистое, как она говорила. Ничего удивительного – вся жизнь на стройке, вредных привычек нет. Ну да, я слегка раздался, когда позволил себе поблажки, оставшись без Джоан. Все казалось бессмысленным. Выйдя на пенсию, я пил теперь больше, чем когда-либо. А гольф – это совсем не мое.

Вернувшись в каюту, я прилег и погрузился в полузабытье, думая о Джоан. Она была такой прекрасной и порядочной женщиной, лучшей жены и матери не пожелаешь.

Почему, Джоан? Почему, моя дорогая, почему? Это могли быть лучшие годы нашей жизни. Пол в университете, Салли работает медсестрой. Они наконец покинули гнездо, Джоан,

⁹ *Dead Again* (1991) – фильм Кеннета Браны (первая его американская постановка), он же исполнил в этом готическо-мелодраматическом триллере главную роль. Также в фильме снимались Дерек Джекоби, Ханна Шигула, Эмма Томпсон.

мы могли расслабиться. То, как они потом справились с трагедией, – это была твоя заслуга. Наша общая заслуга. А я разве справился? Я умер с тобой, Джоани. Я просто нелепый призрак.

Я не сплю. Я бодрствую, говорю сам с собой и плачу. Десять лет после Джоан.

На обеде я оказался за столом наедине с Марианной Хауэллс. Супруги Кеннеди, Ник и Патси, очень милая и ненавязчивая молодая пара, так и не появились. Это намеренная уловка. У Патси Кеннеди глаза заговорщицы. Марианна и я впервые оказались одни за все время круиза. Марианна не замужем. Отправилась в путешествие, чтобы отойти от ее собственной тяжелой утраты – недавней смерти ее рано овдовевшей матери.

– Вот теперь ты весь в моем распоряжении, Джим, – сказала она слишком шутливо и самоуничижительно для флирта.

Хотя Марианна, конечно, вполне милостива. Кто-то просто обязан был жениться на такой женщине – чего ей зря пропадать. Нет, так думать ужасно. Старый шовинистичный Джим Бэнкс снова вылез наружу. Наверно, Марианна хотела, чтобы ее таким образом и воспринимали, – наверно, так она получала все лучшее от жизни. Наверно, если бы мы с Джоани не...

Нет. Морепродукты, и только морепродукты.

– Да уж, – улыбнулся я, – этот салат с морепродуктами просто восхитителен. Ну, где же еще взять хорошие морепродукты, если не в море, верно?

Марианна усмехнулась, и мы немного поболтали. Затем она вдруг сказала:

– Какая все-таки трагедия с Югославией.

Интересно, это она о том, что мы не можем сойти там на берег из-за войны, или о вызванных войной бедствиях. Я решил исходить из сострадательной интерпретации. Марианна казалась чувствительной натурой.

– Да, ужасная трагедия. Дубровник был одной из главных достопримечательностей в том прошлом круизе, с Джоан.

– Ах да, с твоей женой... Что с ней случилось, можно спросить?

– Несчастный случай. Если тебе достаточно такого ответа, я предпочел бы не говорить об этом, – ответил я, отправляя в рот полную вилку салата-латука.

Уверен, его положили на тарелку больше для красоты, чем для еды. Я никогда не разбираюсь в этикете. Джоан, только ты держала меня в ежовых рукавицах.

– Мне действительно жаль, Джим, – сказала Марианна.

Я улыбнулся. Несчастный случай. На этом борту, на этом круизе. Несчастный случай? Нет.

Она была не в себе какое-то время. В депрессии. Перемена в жизни, или как там сказать по-другому? Не знаю почему. Самое ужасное во всем этом, что я не знаю причины. Я думал, круиз доставит ей массу удовольствия, откроет целый мир. Так даже какое-то время и казалось. Но когда мы достигли выхода из Адриатического моря, на пути обратно в Средиземное, она приняла эти таблетки, а потом взяла и соскользнула с палубы. Упала в море. Я проснулся в одиночестве и оставался в одиночестве с тех пор. Это была моя ошибка, Джоан, все это проклятое мероприятие. Если бы я попытался понять, как ты себя чувствуешь. Если бы не покупал билеты на этот чертов круиз. Этот глупый старый идиот Джим Бэнкс. Пошел по пути наименьшего сопротивления. Я должен был усадить тебя и говорить, говорить и снова говорить. Мы бы со всем разобрались, Джоан.

Я почувствовал, что Марианна тронула мою руку. На глазах у меня слезы, как у пидора какого-нибудь.

– Я расстроила тебя, Джим. Прости, мне очень жаль.

– Нет, вовсе нет, – улыбнулся я.

– Очень хорошо тебя понимаю. Мать... с ней было так трудно, – проговорила она. Теперь и она начала заливаться слезами; ну мы и парочка! – Я делала все, что могла. У меня были возможности устроить себе другую жизнь. Но я не очень понимала, чего хочу. Женщине всегда

надо выбирать, Джим. Выбирать между браком и детьми – и карьерой. В какой-то момент – всегда выбирать. Не знаю. Мать постоянно требовала внимания, постоянно в чем-нибудь нуждалась. Она выиграла по умолчанию. А девушка, которая могла сделать карьеру, стала старой девой, понимаешь.

Марианна казалась такой ранимой и расстроенной. Я сжал ее руку. Она уставилась в пол, затем неожиданно вскинула голову, и наши взгляды встретились. Это напомнило мне Джоан.

– Не принижай себя, – сказал я. – Ты исключительно храбрая и очень красивая.

Она улыбнулась, на этот раз более сдержанно:

– Ты настоящий джентльмен, Джим Бэнкс, и тебя приятно слушать.

Все, что я мог сделать, – это улыбнуться в ответ.

Я наслаждался обществом Марианны. Прошло долгое время с тех пор, как я подобным образом вел себя с женщиной. С тех пор, как испытывал такую душевную близость. Мы болтали весь вечер. У нас не было запретных тем, и я оказался способен говорить о Джоан без того, чтобы казаться сентиментальным и погрузить компанию в беспросветную скуку, что неминуемо случилось бы, окажись тут наши приятели Кеннеди. Людям ни к чему выслушивать все это на отдыхе. Хотя Марианна с ее утратой оказалась восприимчива к моим словам.

Я говорил и говорил, глупости по большей части, но для меня потрясающие, исполненные боли воспоминания. Я никогда не говорил так с кем-нибудь раньше.

– Помню, в том круизе с Джоан я попал в ужасную ситуацию. За соседним столом сидели какие-то голландцы, очаровательные люди. А нашими соседями по столу были довольно высокомерный французский парень и красивая итальянка. Прямо настоящая кинозвезда. Странно, но француз ею не заинтересовался. Думаю, он мог быть, ну, по другой части, если понимаешь, о чем я. Как бы то ни было, получилась настоящая старая Лига Наций. Дело в том, что с нами была престарелая пара из Вустера, сильно недолюбливавшая немцев... они вечно вспоминали годы войны и все такое прочее. А как по мне, эти вещи лучше оставить в прошлом. Так что старый Джим Бэнкс решил выступить миротворцем...

Боже, какую занудную чушь я молол. Сдержанность моих чувств словно растворялась с каждым глотком вина, и вскоре мы принялись за вторую бутылку. Марианна кивнула мне заговорщицки, когда я сделал заказ. После обеда мы направились в бар, где еще немного выпили.

– Спасибо, Джим, за сегодняшний вечер. Мне очень понравилось, – проговорила она, улыбаясь.

– У меня это был один из лучших вечеров... за долгие годы, – отозвался я.

Я чуть не сказал «после Джоани». Но ведь так и было. С этой замечательной дамой я снова почувствовал себя человеком. Она и в самом деле приятная.

Она держала меня за руку, и несколько секунд мы сидели, глядя друг другу в глаза.

Я прочистил горло глотком скотча.

– Что хорошо в старении, так это что постоянная угроза визита старухи с косой как-то концентрирует мысли. Ты мне очень нравишься, Марианна, и, пожалуйста, не восприми мои слова как оскорбление, но я хотел бы провести с тобой эту ночь.

– Я не оскорблена, Джим. Думаю, это будет замечательно, – засияла она.

Ее реакция заставила меня немного смутиться.

– Может быть несколько хуже, чем замечательно. У меня недостаток практики в таких вещах.

– Говорят, это немного похоже на плавание или на езду на велосипеде, – ухмыльнулась она, слегка пьяная.

Ну, если так обстояло дело, старый Джим Бэнкс готов снова прыгнуть в седло после простоя в десять лет. Мы отправились в ее каюту.

Невзирая на алкоголь, у меня не было никаких проблем с эрекцией. Марианна сняла одежду, обнажив тело, которому могли бы позавидовать женщины моложе ее не то что на годы

– на десятки лет. Мы немного пообнимались перед тем, как залезть под пуховое одеяло, и занялись любовью сначала медленно и осторожно, затем с возрастающей страстью. Я совершенно перестал себя контролировать. Ее ногти впились в мою спину, и я завопил:

– Господи, Джоани, господи...

Она замерла подо мной, как окоченевший труп, и с досадой ударила кулаком по матрасу, из глаз ее хлынули слезы. Я слез с нее.

– Прости, – выдавил я; это был полустон-полувсхлип.

Марианна села и пожала плечами, уставившись перед собой. Она заговорила приглушенным металлическим тоном, но без горечи, как если бы выводила хладнокровную и бесстрастную эпитафию.

– Я нашла мужчину, который мне небезразличен, и когда он занимается со мной любовью, он воображает, что я кто-то еще.

– Это было не так, Марианна...

Она начала всхлипывать. Я обнял ее. «Ну вот, Джим Бэнкс, – думал я, – опять ты угодил в совершенно идиотскую ситуацию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.